

СОДЕРЖАНИЕ

ТРУДЫ

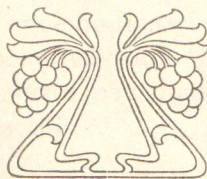
САРАТОВСКОЙ

УЧЕНОЙ

АРХИВНОЙ КОМИССИИ.

Выпускъ XXV.

1909 Г.

САРАТОВЪ.
ТИПОГРАФІЯ О-ВА КНИГОПЕЧАТНИКОВЪ.
1909.

Городъ Петровскъ. Отрывки изъ воспоминаній.

(Посвящается А. А. Лебелеву).

Условія моей жизни были таковы, что я ближайшимъ образомъ соприкасался съ бытомъ и нравами г. Петровска въ то время, когда только что вмѣсто отмѣненныхъ крѣпостного права, разныхъ нижнихъ земскихъ „совѣстныхъ“ судовъ, рекрутскихъ наборовъ, публичныхъ тѣлесныхъ наказаній, — стали постепенно вводиться: земство, гласный судъ, городовыя самоуправленія, всеобщая воинская повинность, и когда въ душу рядового русскаго обывателя началъ пробиваться лучъ прогресса.

Это время относится къ 1866—1881 г.г.

Тогда я жилъ при отцѣ, состоявшемъ въ санѣ діакона при соборной церкви и квартировавшемъ въ церковномъ домѣ, называвшемся попросту сторожкой. Петровская соборная церковь и сторожка находились въ центрѣ города, на площади, которая еженедѣльно по понедѣльникамъ и пятницамъ представляла собою мѣсто для торжища съ массой народа, съѣзжавшагося изъ ближнихъ селъ и деревень. На этой площади находились и всѣ присутственныя мѣста, а также учебныя заведенія, кабаки и пожарный сарай.

Благодаря такому обстоятельству, я съ одной стороны могъ знакомиться съ бытомъ духовенства, съ церковными порядками и прихожанами, а съ другой стороны — видѣть всевозможныя базарныя сцены и уличную жизнь.

Такимъ образомъ въ памяти моей осталось множество воспоминаній о жизни въ г. Петровскѣ. Этими воспоминаніями я и хочу теперь подѣлиться, сознавая, что хотя въ нихъ и не будетъ какихъ-либо литературныхъ достоинствъ, тѣмъ не менѣе онѣ дадутъ нѣкоторое представленіе о бытѣ и нравахъ уѣзднаго города тридцать лѣтъ тому назадъ.

С. Щегловъ.

Саратовъ. 1 августа 1909 года.

Воспоминанія ранняго дѣтства.

Мой отецъ былъ переведенъ въ г. Петровскъ изъ села Лопуховки, Аткарскаго уѣзда, въ 1866 году и здѣсь, въ Петровскѣ, сначала мы съ годъ жили въ вольнонаемной квартирѣ, близъ Троицкой (Покровской) церкви, около р. Медвѣдицы, а въ чьемъ домѣ, теперь уже не помню.

У насъ всегда было очень много народу: во первыхъ, — моя мать держала нахлѣбниковъ, исключительно учениковъ духовнаго училища, гдѣ учился также и мой братъ; затѣмъ къ намъ постоянно ходили товарищи брата и нахлѣбниковъ, колпаки, прихожане, священники, дьякона, дьячки, просвирни, сторожа церковныя и проч. и проч.

Я не помню себя не умѣющимъ читать и писать. Вѣроятно, этому причиной было то, что мой отецъ, въ своей квартирѣ, на досугъ, училъ грамотѣ дѣтей, отъ которыхъ незамѣтно и я научился читать и писать.

За время проживанія на вольнонаемной квартирѣ, мнѣ помнится слѣдующее: Петровскій обыватель, живущій въ своемъ домѣ противъ нашей квартиры, имѣлъ баню и какъ любитель попариться, неукоснительно топилъ ее каждую недѣлю по субботамъ. Однажды, сей гражданинъ, благодушествуя съ вѣнникомъ на полкѣ бани, послѣ того, какъ тамъ побывалъ мой отецъ, провалился сквозь полокъ и выбилъ, при паденіи, всѣ свои зубы, а затѣмъ вскорѣ умеръ. Послѣ того въ семьѣ нашей долго говорили про этотъ случай.

Торговныя бани тогда были (числомъ три) самага примитивнаго устройства. Мужчины и женщины мылись вмѣстѣ. Спусти пять-шесть лѣтъ въ баняхъ завели прозрачныя перегородки, отдѣляющія мужчинъ отъ женщинъ. Еще спустя нѣтъ ли въ баняхъ завели совсѣмъ отдѣльныя помѣщенія для мужчинъ и для женщинъ и устроили номера.

Недалеко отъ нашей квартиры жилъ обыватель, имѣвшій взрослого сына. Этотъ послѣдній, спознавшись съ озорниками и порами, и самъ сталъ такимъ. И вотъ, для искорененія въ немъ этихъ задатковъ, ему родители его задали такую порку, что до сего времени у меня остается въ памяти его дикій ревъ. На этотъ ревъ его, помню, сбѣжалось тогда въ подгородъ и, что всего замѣчательнѣе, всѣ слышавшіе и

видѣвшіе эту экзекуцію не останавливали ее, а поощряли. Пороли дѣйствительно этого парня долго, пороли до того, что его кровь брызгала на зрителей. Затѣмъ этотъ парень всетаки не исправился и былъ сосланъ въ Сибирь.

Первое удовольствіе въ Петровскѣ за то время были кулачки скопомъ и въ одиночку, полюбовно. И братъ мой имѣлъ несчастную страсть къ кулачкамъ. Отъ кулачекъ онъ и погибъ такъ рано. Дрался онъ отчаянно и все равно ему, бывало, хоть съ однимъ, хоть съ десятерыми драться. Помню такую грустную картину. Брату должно быть было лѣтъ 17—18-ть и не безызвѣстны ему были уже и амурь. Такъ вотъ, за какую-то психею, на моихъ глазахъ, его били и спихнули съ крутого берега р. Медвѣдицы въ воду, а берегъ заросъ бурьяномъ и репейникомъ и онъ, бѣдный, пока достигъ воды, сильно измялся, кувыркаясь по бурьяну и репейнику и ободравъ себѣ все лицо и тѣло. Въ другой разъ на кулачкахъ онъ получилъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ въ уши. Оттого сталъ плохо слышать, хирѣть, не домогать до лежанья въ постѣлѣ (запахъ комфоры, которой пользовали брата и сейчасъ мнѣ чудится), а затѣмъ и умеръ.

За это время я смутно помню что-то о эшафотѣ, о палачѣ въ красной рубахѣ и плисовыхъ шараварахъ съ звѣрской фізіономіей, кричащемъ надъ преступникомъ, распростертомъ на страшномъ помостѣ эшафота: „берегись, ожгу!“ и размахивающемъ кнутомъ. Эшафотъ устраивался на базарной площади, на сѣверъ отъ соборной церкви.

Помню мальчика, найденнаго убитымъ въ лукѣ за винокурненнымъ заводомъ Щербиновскаго. Въ убійствѣ мальчика обвиняли жидовъ. Будто бы мальчикъ весь былъ исколотъ какъ шиломъ.

Бывало учили азбукѣ такъ: азъ, буки, вѣди и т. д., потомъ сами преподаватели смѣялись надъ подобнымъ методомъ и рассказывали такой анекдотъ. Вотъ учитель говоритъ ученику: „Бай азъ!“

Ученикъ отвѣчаетъ: „Бай азъ“.

Учитель: „Не бай — бай азъ, а бай — азъ!“

Ученикъ: „Бай — азъ!“

Учитель: „да тебѣ же говорятъ, — не бай бай азъ, а бай изъ“ и такъ далѣе, — бесконечно.

Обучая насъ грамотѣ, бывало приговаривали:

„Азъ, буки верендеи мухи въ квасъ нап. . . .ли. Еръ еры упаль дѣдушка съ горы. Еръ юсь самъ подымусь, ижица — плетка къ г. . .у ближится“ . . .

Рассказывали намъ, мальчикамъ, такой анекдотъ:

Ангель, внушая людямъ письменность и показывая буквы, назвалъ ихъ такъ: „Азъ, Буквы, Вѣдаю, Глаголь, Добро, Есть, Живите, Зело, Землѣ, Иже, Иисусъ, Како, Люди, Мыслете, Нашъ, Онъ, Покой, Рцыте, Слово, Твердо“ . . .

Чертъ, изъ зависти, съ своей стороны внушилъ людямъ письменность въ добавленіе къ тому, что сдѣлалъ ангель. А такъ какъ чертъ олицетворяетъ собою зло, то онъ и не нашелся благозвучно наименовать свои быквы, у него вышло:

„У-у-у! Ф-ф-ф! Х-х-х! Ц-ц-ц! Ч-ч-ч! Ш-а-а! Щ-а-а! Е-р-р! Е-р-р-р-ы! Е-р-ь! Я-т-ь! Ю-ю-ю! Я-я-я! Ё-ы-ф-ы!“ . . .

Бывало передъ топившейся голландской печкой мы пѣли:

„Гори, гори жарко,

„Пріѣдетъ Захарка

„На сивой лошаdkѣ,

„Жена на коровкѣ,

„Дѣтки на теляткахъ,

„Слуги на собачкахъ!“ . . .

А сидя у крыльца и наблюдая за летающими галками, которыхъ въ Петровскѣ великое множество, пѣли:

„Моя галка позадѣ

„Строить избу на водѣ,

„Моя галка напередъ

„Кувшинъ денегъ наберетъ“ . . .

Ища потерянную вещь, приговаривали:

„Чертъ, чертъ, поиграй, да опять отдай!“

Между прочимъ пѣли, играя:

„Тили, тили тѣсто Сашенька невѣста,

„Тили тили тилишокъ—Мишенька женишокъ.

„Тпруни---тпруни балайка

„Не моя жена--Паранька,

„Моя Настенька,

„Распузастинька“.

На Рождество мы, въ дѣтствѣ, пѣвали:

Славите, славите,

Сами люди знаете,

Я маленькій хлопчикъ

Принесъ Христу снопчикъ,

Я маленькій юнчикъ

Принесъ Христу выюнчикъ.

Славите, славите,

Сами люди знаете,

Я славить не умѣю,

Денегъ просить не смѣю.

Отпирайте сундучекъ,

Вынимайте пятачекъ.

Помню что за это время я ходилъ не разъ въ домъ священника П. И. М. и съ чрезвычайнымъ любопытствомъ разсматривалъ у него движущуюся черепаху (искусственную). Мы жили такъ бѣдно, что въ подобныхъ случаяхъ я, въ казавшіяся мнѣ хоромы священника, входилъ съ трепетомъ и страхомъ, чуть дыша.

Тогда въ Петровскѣ квартировалъ какой-то конный полкъ. За городомъ, по дорогѣ на Саратовъ, была устроена для солдатъ гимнастика, существовали каменные подвалы для склада пороха. Въ сторонѣ, по дорогѣ на Аткарскъ, были земляные валы для учебной стрѣльбы, тамъ же было мѣсто для обученія солдатъ фехтованію.

По берегамъ Медвѣдицы по всему городу, а также и по

всей лукѣ *) устроены были земляные очаги для варки солдатамъ въ громадныхъ котлахъ пищи. Помню, что гауптвахта помещалась въ каменномъ угольномъ домѣ противъ дома Богомолова. Помню частую полковую духовую музыку и солдатскія пѣсни, исполненіе вечерней зари на рожкахъ и барабанный бой. Помню также, что когда солдаты брали горячую пищу у кухмистеровъ своихъ и разносили ее въ жестяныхъ ведрахъ или деревянныхъ бадьяхъ по ротамъ, то мальчишки пѣли: „чашки, ложки, хлѣбъ подъ мышки“... Помню церемониальные похороны полковника, убитаго на охотѣ.

Въ 1867 году мы перешли жить въ церковный при Петровскомъ соборѣ домъ (сторожку).

Жизнь въ сторожкѣ полна разнообразіи воспоминаній. Мы жили едвали лучше чѣмъ на улицѣ, развѣ что за квартиру не платили. Безъ постороннихъ людей я не знаю ни одного прожитаго нами здѣсь часу. Людей разныхъ сословій, разныхъ характеровъ, людей достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и людей погрязшихъ въ ужасахъ порока. Людей хорошихъ и дурныхъ, умныхъ и глупыхъ, богатыхъ и до нищеты бѣдныхъ. Здѣсь прошли толпы слѣпыхъ, глухихъ, безногихъ, нѣмыхъ, безногихъ,—всѣхъ возрастовъ. Здѣсь виднѣлось человѣчество во всей наготѣ всего своего хорошаго и дурнаго. Здѣсь была какая-то выставка типовъ живыхъ и мертвыхъ. Здѣсь крестились младенцы, благославлялись на ученіе отроки, вѣнчались пары юныхъ жизней при вступленіи въ брачный союзъ и напутствовались въ вѣчную загробную жизнь люди всѣхъ возрастовъ. Здѣсь били въ колокола въ бѣдственное пожарное время. Здѣсь былъ базаръ, настоящій дѣйствительный базаръ уѣзднаго города съ картинами всѣхъ пороковъ. Во всемъ этомъ разобраться постепенно нѣтъ ни какой возможности. Буду писать то, что придетъ на память, безъ строгой послѣдовательности.

Въ церковной сторожкѣ, представляющей собою каменное одноэтажное зданіе, построенное на сѣверо-западномъ углу

*) Лукою называется полуостровъ, обрамляемый р. Медвѣдицей; тогда здѣсь были только сады, а теперь вся лука разбита на кварталы и застроена домами.

церковной ограды, длиною 10 саж. вглубь ограды и шириною $4\frac{1}{2}$ сажени, было пять комнатъ: передняя во всю ширину зданія съ однимъ окномъ, выходящимъ на сѣверную сторону; въ ней громадная русская печь и громадные же полати. Затѣмъ налево отъ входа въ эту комнату,—дверь въ слѣдующія комнаты, которыя сначала все занималъ мой отецъ. Въ передней же комнатѣ жили: звонарь Иванъ (отставной) заштатный пономарь Василий Ивановичъ (прозваньемъ „блинникъ“). Вскорѣ затѣмъ, одну изъ бывшихъ въ распоряженіи отца комнатъ занялъ соборный псаломщикъ С. А. С—скій, отецъ же размѣстился въ остальныхъ комнатахъ. Первые $1\frac{1}{2}$ или два года дѣло мое было бѣгать со сверстниками въ церковной оградѣ, по базару, лазить по крышамъ церкви и сторожки, пребывать на берегахъ р. Медвѣдицы, или въ водахъ этой рѣчки, если было лѣто.

На западной сторонѣ отъ собора, перейдя улицу, по берегу р. Медвѣдицы, жилъ въ своемъ домѣ, большомъ двухъ-этажномъ, протоіерей Алонзовъ, человѣкъ всеми почитаемый за его высокую честность и добрую душу. Онъ былъ высокаго роста, державшійся прямо, сѣдовласый, почтенный старецъ, лѣтъ 70-ти. При немъ, одинокомъ, жила воспитанница бывшая въ замужествѣ за діакономъ Троицкой (Покровской) церкви Л—вымъ и семья ея: мужъ и двое дѣтей—сынъ и дочь. Домъ протоіерея представлялъ собою во всемъ образцовый порядокъ и былъ какъ полная чаша. Не говоря уже объ обстановкѣ, бывшей до самой мелочи удобной, прочной и массивной, при домѣ отца протоіерея сотнями водились куры, утки, гуси, курышки, шипуны, цецарки или песарки, были лошади и коровы и все породъ хорошихъ—рѣдкихъ. Крутой берегъ рѣчки Медвѣдицы, на которомъ расположенъ домъ, былъ укрѣпленъ дубовыми сваями, закрытыми дикимъ камнемъ. Въдѣленіе узкости и крутизны, берегъ былъ обдѣланъ террасками (числомъ до пяти), засажеными яблонями, а также кустами малины, крыжовника и смородины. Затѣмъ было устроено къ водѣ изъ дикаго же камня двѣ лѣстницы съ перилами. Медвѣдица, протекающая въ этомъ мѣстѣ по искусственному каменному ложу, была очень мелка, не болѣе двухъ аршинъ. Отъ лѣстницъ надъ водой были устроены большіе деревянные

мостики, на которыхъ каждое утро, бывало, можно видѣть протоіерейскаго повара или кухарку, приготовляющихъ къ вареву или жаркому поросятъ, птицъ, рыбу, фрукты или овощи, смотря по тому какой былъ день: постный или скоромный.

Рядомъ съ протоіерейскимъ домомъ былъ домъ священника Г. И. Д—ва, человѣка молодого. Въ то время у него были сынъ и дочь. Отецъ Д—въ жилъ очень порядочно, но конечно, далеко не такъ богато, какъ проторіерей—его сосѣдь.

Оба названные мною сыновья діакона и священника были мнѣ сверстниками и съ ними, по большей части, было проведено мое дѣтство.

Въ дѣтствѣ я часто видѣлъ поводитильщиковъ медвѣдей. Поводильщиками болѣе всего были цыгане. Они подъ барабанный бой съ прибаутками заставляли медвѣдя ходить на заднихъ лапахъ и представлять: какъ бабы пьяныя падаютъ, какъ ребята горохъ воруютъ; заставляли кланяться почтеннѣйшей публикѣ, держать въ лапахъ хозяйскую шапку для сбора мѣдяковъ и пить водку; возить на себѣ хозяина и реветъ. Товарищъ поводитильщика въ это время представлялъ козу, закрывшись какимъ-то мѣшкомъ, изъ отверстія котораго выставлялась деревяшка, изображавшая собою козью морду. Смотрѣть на медвѣдя сбѣгалось множество мальчишекъ.

Разказы моего отца.

Въ с. Лопуховкѣ, Аткарскаго уѣзда, гдѣ прежде былъ онъ діакономъ, съ нимъ случился такой казусъ.—Въ субботній день, отправившись, по обыкновенію, въ баню, онъ повстрѣчалъ своего священника. Послѣ вопроса: „куда грядешь отецъ діаконъ“ и отвѣта отца—„въ баню“,—тотъ изъявилъ желанье мыться вмѣстѣ. Пришли въ баню. Священникъ раздѣлся прежде отца и вошелъ первымъ. Незамедлилъ и отецъ войти туда, причемъ, переступая порогъ, перекрестился... и что же! Въ банѣ онъ никого не нашелъ. Въ великомъ недоумѣніи онъ вернулся въ передбанникъ и сталъ звать священника, но и тутъ никого не нашелъ, даже одежды священника. Страшно испуганный, голый, съ своей одеждой въ рукахъ, онъ кое-какъ добѣжалъ до дому и только тамъ успо-

коился. Затѣмъ отправился къ священнику и сталъ разсказывать ему объ этомъ случаѣ. Священникъ ему доказалъ черезъ своихъ домашнихъ, что изъ дому въ этотъ день онъ никуда не выходилъ, а въ банѣ ему дѣлать было нечего, такъ какъ мылся наканунѣ.

2) Отецъ мой былъ страстный рыболовъ. Вотъ однажды передъ разсвѣтомъ, въ лѣтнее время, онъ сидѣлъ на лѣсистомъ берегу р. Медвѣдицы, наблюдая за закинутыми въ воду удочками; мѣсто было глухое и вдали отъ села. Тишина смертная. Рыба клевала приманку и ловилась прекрасно. Отецъ едва успѣвалъ снимать съ удочекъ рыбу и насаживать новую приманку—червячковъ, или живцовъ, т. е. маленькую рыбешку, или же наконецъ рачьи плески, освобожденные отъ скорлупы. Вдругъ у противоположнаго берега онъ слышитъ плесканье. Вматриваясь, онъ въ предрасвѣтной мглѣ видитъ въ водѣ женщину. Она смѣло вела себя тамъ какъ будто бы вода была ея стихіей.

Удивляясь этому и ужасаясь, отецъ невольно сталъ вматриваться пристальнѣе, а разсвѣтъ, болѣе и болѣе разгонявшій „тьму ночную“, позволялъ явственно видѣть, что эта женщина обладала дивной красотой. Она нѣжилась въ водѣ, брызгалась на прибрежные кусты, плавала и туда и сюда, то обнаруживая свои прелести, то скрывая ихъ; расчесывала свои длинныя косы, ахала и ухала, обливая пригоршнями свою великолѣпную грудь. Всѣми дѣйствіями своими она, повидимому, рѣшилась очаровать молодого діаконъ-рыболова. Отецъ дѣйствительно былъ очарованъ всецѣло: забыты удочки, забыта семья, забытъ санъ духовный... Онъ какъ-бы съ ума сошелъ и все-бы смотрѣть и смотрѣть ему на прелестницу, все-бы любоваться ею, а еще бы лучше того—быть поближе къ ней... Однако ему что-то подсказало въ душѣ, что въ такомъ глухомъ мѣстѣ и вдали отъ села, не можетъ же какая-то женщина купаться. И глубина-то здѣсь неимоверная. Отецъ сталъ читать псаломъ: „Помилуй ми Боже“, чары же незнакомки усилились. Будучи не въ себѣ, отецъ готовъ былъ броситься въ воду и плыть къ ней, этой несравненной красотѣ и чуду... Тутъ пропѣлъ далеко на селѣ пѣтухъ, за нимъ другой, третій и пош-

ли голоса,—то хоромъ, то въ отдѣльности и... видѣніе исчезло. Только здѣсь родитель понялъ, что это было просто какое-то наважденье. И заклился онъ съ этого разу ходить ночью удить рыбу въ одиночку.

3) Когда онъ служилъ діаконъ въ селѣ Лопуховкѣ, Атнарскаго уѣзда, однажды лѣтомъ отправился удить рыбу съ знакомымъ ружейнымъ охотникомъ. Проведя на охотѣ цѣлый день и здорово уставши, поплелись они домой уже въ сумеркахъ. Дорога шла лѣсомъ. Только вдругъ и слышатъ они, что какая-то птица, сидя на деревѣ, предурнушимъ голосомъ кричитъ, будто выговаривая: „держи, держи, держи“. Этотъ крикъ былъ столь противенъ, что отдалъ бы не знаю что, только бы никогда не слышать этого въ дрожь кидающаго крика. Ружейный охотникъ и говоритъ въ страшномъ озлобленіи: „Застрѣлю я эту сволочь!“ Нацѣлившись, онъ спустил курокъ и зарядъ попалъ по назначенію. Падающее съ дерева, что-то огромное, все-таки продолжало кричать слабѣющимъ, но еще болѣе прежняго противнымъ голосомъ,—„держи, держи, держи“, пока совсѣмъ не утихла. Оказалось, что это былъ филинъ.

До 1872 года я съ своимъ отцомъ побывалъ во всѣхъ тѣхъ деревняхъ и хуторахъ, которые были приходомъ къ соборной церкви. Приѣхавши однажды въ одну изъ этихъ деревень, мы по приглашенію мѣстнаго зажиточнаго мужичка, сѣли у него обѣдать. Послѣ обѣда меня угостили медомъ—напиткомъ домашняго приготовленія (хозяинъ имѣлъ пчельникъ). Напитокъ этотъ очень пріятенъ и я тогда выпилъ его два стакана. Когда собрались уѣзжать, я не могъ встать съ мѣста, хотя сидя и ни чего особеннаго не чувствовалъ. Отецъ вынужденъ былъ снести меня въ телѣгу на рукахъ. Дорогой у меня очень сильно кружилась и болѣла голова. И мнѣ все казалось, что солнце закатывалось на востокъ. На другой день я былъ совершенно здоровъ. Отецъ ѣздилъ по деревнямъ за сборомъ хлѣба, что было въ обычаѣ у всѣхъ церковно-служителей. Онъ набиралъ бывало пудовъ по 15—20 хлѣбнаго зерна, которое затѣмъ продавалъ въ городѣ на базарѣ.

Въ возрастѣ 8 лѣтъ (въ 1870 г.) я поступилъ въ Петровское Духовное Училище. Меня поразило на первыхъ порахъ множество учениковъ: было болѣе 50 въ каждомъ классѣ, а классовъ—четыре. Училище помѣщалось въ частномъ домѣ на Московской улицѣ. Въ каждомъ углу пахло „бурсой“ и въ каждомъ классѣ не было недостатка въ великовозрастныхъ ученикахъ.

Бывало въ первомъ классѣ, послѣ переменъ, до прихода учителя, ученики хоромъ громко выкрикивали: „Альфа, вигама, дельта“... Такъ учили греческую азбуку.

Между моими товарищами былъ одинъ ужасный заика. Когда его спрашивалъ учитель, то онъ, бѣдный, надуется, покраснѣетъ и трясая головой, насилу выговоритъ слово съ шипѣніемъ и свистомъ, затѣмъ опять тоже. Наконецъ залпомъ откашлявъ нѣсколько фразъ и опять заиканіе, брызганіе слюнями и трясеніе головой. Между тѣмъ говоря на—распѣвъ. П...кій не заикался. И что-бы учителямъ не позволять П...кому отвѣчать на—распѣвъ?—И скорѣе-бы онъ отвѣтилъ и небыло-бы видно его жалкаго и мучительнаго заиканья. Меня очень это тогда удивляло. Были въ училищѣ родные братья М...вы. Они отличались большимъ тупоуміемъ. Бывало на всякій вопросъ учителя, они вставши съ мѣста, упирали глаза въ какой нибудь уголъ и молчали. Между тѣмъ М...вы, живя на хлѣбахъ у учителя духовнаго училища, были каждый день подготовляемы имъ. Конечно имъ ставили колъ.

Нѣкоторые изъ учениковъ, были съ большими способностями рассказывать „были и не былицы“ по-русски и съ переложеніемъ на церковно-славянскій языкъ, на примѣръ: „Прежде шести дней семика, шедъ Гороховъ изъ кабака и повстрѣча его три ученика. Учителю, учителю, сіи глаголюще: гдѣ убо уготовано намъ веселящаго сердце вкусити вина? И отвѣща имъ. Шедше въ корчемницу разгуляеву,—кабачецъ сирѣчь, обращете тамо мужа за стойкою стояща и мѣру въ рукахъ держаща. И вкусите тамо вина колико хотите“.

Многіе изъ учениковъ — бурсаковъ страдали чесоткой, чирьями. Даже шелудивымъ не возбранялось посѣщать училище.

Въ то время духовное училище имѣло въ своихъ стѣнахъ множество учениковъ великовозрастныхъ, сидѣвшихъ по нѣскольку лѣтъ въ классѣ. Развлекались ученики довольно грубо. Самое первое удовольствіе—это кулачки. Дрались или между собою, или же духовное училище задирали уѣздное училище и наоборотъ. Дрались отчаянно. Кулачки обыкновенно происходили въ зимнее время, по праздникамъ.

Духовное училище почти каждый годъ кочевало съ одной квартиры на другую. Такъ, до 1872 года оно помѣщалось на Московской улицѣ, въ д. Самсонова. Съ 1872 по 1873 г.—противъ собора въ д. Гусева, (затѣмъ перешедшемъ черезъ продажу къ протоіерею С. М. Успенскому). Въ 1873—76 г.—въ д. діакона Леторова, черезъ домъ отъ Гусева, причемъ бурса квартировала въ д. Богомолова. Въ 1876 г. училище перешло въ собственный домъ на Дворянской улицѣ.

При мнѣ въ 1-мъ классѣ были ученики П...скій и С...въ. Они учились чрезвычайно плохо. П...скій былъ высокаго роста здоровый парень, а С...въ маленькій, но оба уже старые. Между ними существовала тѣсная дружба и въ переменъ они, бывало, всегда вмѣстѣ и непремѣнно шутя, дерутся, изображая пѣтуховъ: П...скій—голландскаго, а С...въ—испанскаго. П...скій за уроками только рисовалъ, на что у него была большая способность. С...въ никакихъ и ни на что способностей не имѣлъ. Оба они были простоваты „мѣшкомъ изъ угла ударенные“. Разъ учитель русскаго языка предложилъ первоклассникамъ сказать кто знаетъ — загадки. Вызвался С...въ и сказалъ: „Попъ стоитъ на мосту, кричитъ — всѣхъ обоу“.

За это учитель назвалъ его болваномъ и осломъ. Теперь П...скій плотничаешь, а С...въ служить сторожемъ гдѣ-то на ж. д. Оба они были исключены за малоуспѣшность изъ 1-го класса.

Передъ началомъ ученія и въ переменъ къ духовному училищу, бывало, приходили торговцы булокъ и гречушниковъ. Продавцы гречушниковъ привлекали къ себѣ покупателей разными шутками, да прибаутками. На примѣръ:

Лей кубышка,

Поливай кубышка,

показавъ неустрашимость. Ученики какъ саранча покрываютъ ледъ: кто гоняетъ точки, кто выдѣлываетъ замысловатые „накрутасы“ на конькахъ, кто съ дубиною выслѣживаетъ рыбу подо льдомъ, что-бы оглушить ее ударомъ. Бывали случаи, когда много столпится на одномъ мѣстѣ народу, ледъ не выдерживалъ, проламывался и забавляющіеся принимали холодную ванну, но все это счастливо сходило съ рукъ. На другой день всѣ они опять играли на льду.

До прихода учителя въ классахъ бывало забавлялись такъ: разбивались на множество кучекъ, одна кричала на-распѣвъ: „Веретена не точены“, другая — „конопли-то не мочены“, третья, — „съ Волги бревна привезены“, четвертая, — „я сушиль, сушиль, сушиль, да какъ началъ я мочить“, пятая, — „я мочиль, мочиль, мочиль, да какъ началъ я сушить“, шестая, — „отдай грошъ, отдай грошъ, отдай грошъ“. Въ общемъ отъ этого получалась такая кутерьма, что не подберешь ей и названія. Или же ученики начинали пѣть подъ руководствомъ кого-нибудь изъ четвертоклассниковъ: „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“, „Си горы горы“, „Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ“, „Отъ востокъ солнца до западъ“, „Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ, распустилась въ немъ сирень“ и т. д.

Наказывали за проступки бывало просто: отдерутъ вихры или уши, дадутъ подзатыльникъ, поставятъ на колѣни, оставятъ безъ обѣда и только. Поведенія въ отлѣткахъ не портили и не исключали.

Былъ очень даровитый ученикъ А. А...въ, отличавшійся между прочимъ, разными причудами. Бывало кричитъ протачку: „Эхъ и поймалъ же я птицу! Иди-ка сюда! Вотъ она подъ шапкой... У ней хвостъ костяной... Бери-ка ее изъ подъ шапки-то, да смотри, осторожней!“ Тотъ сунется рукой подъ шапку да и выпачкается въ дерьмѣ. А то выпачкаетъ одинъ конецъ у палки въ помойной ямѣ, да съ этой палкой и начнетъ налетать на сверстника, дѣлая видъ, что хочетъ его дарить или уткнуть. Тотъ невольно отстраняется, а А...въ все налетаетъ. Въ концѣ концовъ тотъ хватается руками за палку и пачкаетъ ихъ въ помояхъ. А...въ также ловилъ синицъ и воробьевъ силками, накрывалъ сѣтью голубей, ловилъ въ Медвѣдицѣ въ крутыхъ берегахъ раковъ и налимовъ, выуживалъ

на листочки крапивы лягушекъ. Последнія забавляли его своими кривляньями, прыжками и какимъ-то пискомъ.

А то наловить таракановъ и съ помощью сала налѣпить имъ на спины вырѣзанныхъ изъ бумаги гусей и пустить: получалась полная иллюзія самостоятельно двигающихся бумажныхъ гусей.

Поймаетъ галку и окраситъ ее въ бѣлый или красный цвѣтъ. Выпуститъ... Та, конечно, летитъ въ свою семью и своимъ появленіемъ поднимаетъ тамъ булгу. Или навяжетъ пойманной галкѣ на хвостъ бумаги и хохочетъ, видя, какъ она неправильно козыряетъ въ воздухъ. Или же завяжетъ ей глаза и она со-слѣпу тыкается въ стѣны церкви или въ крышу.

Привяжется на базарѣ къ мужику до того, что разсердитъ его. Тотъ побѣжитъ за нимъ, чтобы надрать уши, а А...въ, то будто-бы готовъ поддаться, то припустится. Мужикъ разозленъ до крайности. Вотъ бѣжитъ онъ за шадуномъ, а тотъ вдругъ возьметъ да упадетъ, мужикъ-же съ разбѣгу споткнется объ него да тоже грохнется. А...въ только того и надо.

Бывало онъ дѣлалъ вертящіеся бумажные фонари съ изображеніемъ мужика, колющаго послѣно, въ постепенныхъ позахъ: какъ онъ замахивается топоромъ, какъ топоръ все болѣе и болѣе близится къ полѣну и какъ наконецъ ударяетъ по нему.

Передъ Пасхой, бывало, набиралось въ соборную церковь много народу съ вечера въ ожиданіи заутрени. Большинство, сидя на полу, дремало или спало. А...въ, взявши съ собою иглу съ ниткой, сошьетъ цѣлую кучу мужиковъ и бабъ вмѣстѣ. Сколько было возни при пробужденіи этихъ богомольцевъ, сколько недоумѣній, споровъ и ругани. Онъ, бывало, капалъ воскомъ на лысыя головы молящихся съ хоръ. Садился верхомъ на старухъ, когда въ Великій постъ, въ вечерню, при отпускѣ, всѣ падали ницъ, слушая послѣднюю молитву, читаемую священникомъ. Отрывалъ у купчихъ отъ воротниковъ хвостики, служившіе украшеніемъ.

Одни ученики духовнаго училища становились на правый клиросъ въ пѣвчіе, а другіе — на лѣвый. Большинство же стояло въ рядахъ. На лѣвомъ клиросѣ ученики вели себя весьма непристойно. Тамъ ставился котелъ съ горячими

углями для кадила. Бывало они набрасаютъ въ угли воскъ, ладану, соли... Пламя, дымъ и трескъ! Шалили вообще черезъ чуръ. Бывало кто-нибудь такъ раземѣшитъ, что прерывали пѣніе или чтеніе.

Лѣтомъ вся рѣчка Медвѣдица кишма кишѣла купающимися учениками духовнаго училища. Озорничали при этомъ ужасно: кто кувыркался, кто ходилъ на рукахъ, кто бросался въ воду съ вывертомъ. То залѣзали въ грязь, мазались тамъ какъ свиньи и ложились на солнце сушиться. Затѣмъ засухшую грязь соскабливали. Тутъ былъ крикъ, хохотъ, ругань, драка и слезы.

Осенью ученики дѣлали набѣги на огороды, гдѣ воровали подсолнухи, рѣпу, огурцы.

Въ концѣ 1860-хъ годовъ воспитанниковъ *Петровскаго духовнаго училища* въ бурѣ кормили скверно и скудно. Многіе изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ изъ великовозрастныхъ, бывало, складывались и покупали преснаго и кислаго молока и крошивъ въ него хлѣба, ѣли. Отличавшіеся обжорствомъ выкидывали, иногда, при этомъ такіе штуки: чувствуя, что если ѣсть со всеѣми товарищами, участвовавшими въ складчинѣ, ровно, то на долю ихъ достанется „ѣдова“ мало, они въ самомъ началѣ трапезы, плевали или сморкались въ мірскую миску. Большинство, конечно, дальше ѣсть отказывалось, обжоры же тѣмъ пользовались и набивались въволю, до отвала, какъ говорится.

П о ж а р ы.

Петровский Петро-Павловскій соборъ въ 1867 году потерялъ отъ грозы. Какъ-то лѣтнимъ утромъ въ настоящемъ придѣлѣ храма шла божественная литургія, совершаемая молодымъ священникомъ Геннадіемъ Дроздовымъ. Этотъ день, судя по утру, общалъ быть яснымъ и тихимъ. Однако во время службы вдругъ поднялся вѣтеръ, небо покрылось мрачными тучами и молнія прорѣзывала ихъ огненными зигзагами. Сначала громъ былъ слышанъ далеко, но съ каждою минутою удары его приближались къ городу и слышались все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, гроза разразилась надъ самымъ центромъ: одинъ изъ сильнѣйшихъ проблесковъ молнии тотчасъ

же былъ дополненъ ужаснымъ раскатомъ грома. Говорятъ, что ударомъ этимъ убило въ городѣ нѣсколько человѣкъ. Насколько помню, ударъ грома былъ такъ силенъ, что во многихъ домахъ полопались стекла въ окнахъ. Дѣло кончилось, однако, не этимъ однимъ. Шпиль одной изъ самыхъ высокихъ городскихъ колоколенъ, именно—соборной церкви—загорѣлся, такъ какъ былъ деревянный, обшитый бѣлой жестию. Сначала отъ шпиля пошелъ густой черный дымъ, а затѣмъ онъ былъ объятъ пламенемъ, видимымъ всему городу. Тяжесть, вѣнчавшаго шпиль желѣзнаго, довольно тяжелаго и большого креста, накренила шпиль на сѣверо-западную сторону, дерево переломилось и крестъ съ 20 саженной высоты рухнулъ на землю, глубоко зарывшись въ нее. Всѣ жители въ великомъ испугѣ метались по улицамъ, говоря, „къ несчастію это, къ большому горю!“ Сбѣжавшейся громадной толпой народа пожаръ былъ потушенъ въ самомъ началѣ, ему не дали распространиться до колоколовъ, висѣвшихъ на деревянныхъ перекладинахъ. Тутъ было много предлагаемо ухитреній—какъ тушить на такой высотѣ. Пожарные рукага туда не хватали. Воду таскали ведрами. Многіе предлагали тушить молокомъ, такъ какъ-де водою небесный огонь тушить нельзя. Самымъ дѣятельнымъ работникомъ по тушенію пожара былъ свѣчникъ, выдѣлывавшій сальныя свѣчи,—не помню теперь его ни имени, ни фамиліи. Онъ уже умеръ. Но при этомъ еще случилось вотъ какое необычайное и чудесное обстоятельство: когда гроза ударила въ желѣзный крестъ и зажегла деревянный шпиль, сила ея этимъ не ограничилась. Эта всемогущая сила какою-то всепроникающею пулей пробилъ толстый кирпичный сводъ храма надъ хорами, проникла въ печь, стоявшую въ лѣвомъ углу слѣва при входѣ въ настоящій—главный придѣлъ, вырвала изъ печи, одѣтой желѣзомъ, вмѣстѣ съ кускомъ желѣза кирпичъ и бросила его въ престольный образъ св. апостоловъ Петра и Павла и разбила его. Образъ этотъ находился за правымъ клиросомъ. Это такъ потрясло совершавшаго литургію священника о. Геннадія Дроздова, что онъ долго послѣ того болѣлъ грудью. Наше желаніе надолго сохранить въ памяти жителей этотъ случай, отверстіе, сдѣланное грозой надъ печкой, не задѣлы-

вали впрямь до капитальной передѣлки соборнаго храма. Это отверстіе было не велико, въ него могъ только входить палецъ взрослого человѣка.

Съ этого времени городъ Петровскъ ежегодно сталъ терпѣвать отъ опустошительныхъ пожаровъ. Теперь въ городѣ съ трудомъ найдешь жилое зданіе, которое существовало бы 30 лѣтъ, не испытывая пожара.

Самый чудовищный пожаръ, какой только можно представить, былъ въ 1872 году. Стояло сухое лѣто. Среди бѣдня загорѣлось въ пригородней слободкѣ „Колобовкѣ“, гдѣ крыши на домахъ и дворахъ въ большинствѣ случаевъ были соломенныя. Пока пожарный обозъ достигъ слободки, оттуда клочья горѣвшей соломы занесло въ самый центръ города и въ „самое нутрѣ“ тогдашнихъ базарныхъ лачугъ, товаръ которыхъ заключался и въ дегтю и смолѣ и другихъ горючихъ матеріалахъ. А извѣстно, что гдѣ огонь, тамъ усиливается и теченіе воздуха. Въ этотъ разъ огонь родилъ такую бурю, такой ураганъ, какіе только могутъ наблюдаться въ степныхъ мѣстностяхъ. Это было бѣшенство двухъ стихій огня и вѣтра, ринувшихся на несчастный городъ. Господи, что тогда было! Съ базара огонь перекинуло на противоположную „Колобовку“ сторону по діагонали,—слободку „Богоявленскую“. Вся базарная площадь, немощеная, пропитанная навозомъ десятками лѣтъ,—горѣла. Казалось все горѣло: дома, базарныя лавки, земля и воздухъ. Бурные порывы вѣтра несли цѣлыя горящія крыши, ворота, заборы, двери, разныя матеріи изъ базарныхъ лавокъ, ковры... Голуби, галки, грачи носились въ пожарномъ дыму... Церковныя колокола надрывали душу набатомъ... Ревъ огня, свистъ бури, стоны и крики людей и животныхъ... Безуміе и ужасъ!..

А соборная церковь?.. Гдѣ найти перо, способное описать, какъ эта церковь, мѣсто молитвы и утѣшенія, стояла и вѣла на весь этотъ ужасъ?.. А люди?.. О, Боже мой, какъ они жалки тогда были!.. Они метались безъ толку, безъ всякаго смысла, издавая вопли, бѣя себя въ грудь и вырывая у себя волосы. Жители, имѣвшіе свои дома въ сравнительной безо-

удивила толщина костей черепа у старика. Она равнялась приблизительно толщинѣ пальца и оттого голова у старика денешки не представляла, она была только вся истерзана.

Т и п ы.

Иванъ звонарь съ бѣльмами на обоихъ глазахъ, изъ обитателей г. Петровска, изъ „Ардымской“ пригородней слободки; лѣтъ 30-ти (въ мое время); лицо съ крупными чертами, не представляющее ничего особеннаго; одѣвался плохо и небрежно. Жилъ на полатяхъ въ церковной сторожкѣ и для разнообразія, иногда въ холода, перекочевывалъ на печь. Звонилъ онъ прекрасно, съ увлеченіемъ; и во время трезвона правое его ухо всегда поворачивалось къ колокольцамъ, а лицо умилялось. Онъ былъ холостъ, любилъ выпить; иногда пропадалъ куда-то по цѣлымъ недѣлямъ. Нюхалъ, или курилъ изъ трубки „гернодерскій“ табачище.*)

Приватное занятіе его было стоять въ свободное отъ звона время на церковной паперти вмѣстѣ съ нищими и протягивать руку за подаеніемъ. Кромѣ того онъ былъ извѣстенъ по всему городу какъ знахарь, умѣющій заговаривать зубы. Бывало, къ нему въ церковную сторожку набѣгало много страждущихъ и онъ отпускалъ ихъ, давая по одному листочку отъ барановаго вѣника, совѣтуя класть его на зубъ. А вѣникъ то можетъ быть побывалъ, по волѣ хозяйки, и незнай въ какихъ мѣстахъ, но на это не обращалось никакого вниманія. Прележе нежели дать листочекъ, Иванъ становился передъ образами и молясь, что то шепталъ. Если не помогало сразу, то Иванъ приказывалъ приходить къ нему еще два раза, говоря, что эта упорная боль требуетъ усиленной троекратной молитвы. Рассказываютъ, что всеѣмъ, кто къ нему не обращался, не помогало.

Помню, какъ то въ лютую зиму, этотъ Иванъ обморозилъ вѣдь, авоця на колокольнѣ, носъ, щеки и пальцы на рукахъ и ногахъ. Сапоги пришлось разрѣзать, чтобы снять съ ногъ. Долго онъ болѣлъ, но службы не оставлялъ. Его тогда снаб-

*) И въ чиновномъ быту имѣлись любители нюхательнаго табаку. Было три сорта: въ наивѣстныхъ случаяхъ (въ гостяхъ) употреблялся ароматный табакъ, называвшійся „порторикомъ“, дома же сходились съ рукъ „носедерикомъ“ и „пердунецъ“.

мѣсть. По какой то причинѣ этотъ Иванъ уволился и мѣсто его занялъ совершенный слѣпецъ Самсонъ. Послѣ увольненія встрѣтилъ Ивана уже зрячимъ: ему мѣстный докторъ В. А. Поповъ снялъ бѣльма и вооружилъ его громадными очками.

Самсонъ изъ г. Инзара, Пензенской губерніи, лѣтъ 32-хъ, совершенно слѣпъ, съ постоянно закрытыми вѣками, такъ какъ глазныя яблоки у него вытекли еще въ дѣтствѣ, вслѣдствіе какой-то болѣзни. Лицомъ очень благообразный, русый, съ небольшою рыжею бородкой и такими же усами. Одѣвался просто: въ бекешку сѣраго казинета и кожаные сапоги, но очень чисто и, пожалуй, даже „форсисто“. Жилъ тоже на полкахъ и на печи. Нужно сказать, что печь въ сторожкѣ была огромная, такъ какъ служила двумъ семьямъ: діакону и псаломщику. Лѣтомъ Самсонъ любилъ устраивать ся на колокольнѣ, гдѣ-нибудь въ углу подъ крышей. Питался больше въ сухоматку тѣми кусками, которые ему попадали, когда онъ стоялъ на паперти храма въ ряду нищихъ. Иногда только онъ поѣстъ горячаго въ волю—если попадетъ на поминки. Нерѣдко пилъ свой чай. Часто становился на клиросъ и подтягивалъ псаломщикамъ теноромъ, ибо церковную службу зналъ твердо, какъ и святцы. Курилъ трубку. Любилъ очень выпить. Случалось, что гулялъ дня по два, по три, не извѣстно гдѣ. Лѣнулъ къ женскому полу и имѣлъ успѣхъ. Мечтою его было скопить деньжонокъ, чтобы каждый день обѣдать и выпивать стаканъ водки. Страдалъ сифилисомъ. Къ доктору обращаться стѣснялся и лѣчилъ язвы толченымъ синимъ купоросомъ. Язвы проходили до первой выпивки, послѣ чего открывались вновь. Много Самсонъ имѣлъ свѣдѣній объ интимной жизни братіи Петровскаго Николаевского мужского монастыря. Часто отъ скуки Самсонъ, ощупывая на колокольнѣ годность веревокъ у колоколовъ, пронзительно кричалъ, подражая египетскому голубю. Разъ на Пасху онъ столкнулъ съ лѣстницы колокольни одного мальчишку, но мальчишка упавъ съ четырехсаженной высоты на крышу, остался живъ, благодаря какому-то счастью. Только бѣды и было у мальчишки, что онъ разбилъ бывшія у него за паузой галчинныя яйца, набранныя вверху колокольни въ гнѣз-

дахъ. Бывало у Самсона собирались гости тоже слѣпцы-звонари изъ другихъ церквей. Угощались исключительно курительнымъ и нюхательнымъ табакомъ. Помню одного слѣпца-звонаря Петруху и помню его больше потому, что онъ одной затяжкой выкуривалъ трубку, послѣ чего нѣсколько минутъ валялся какъ пьяный и долго кашлялъ.

Самсонъ трагически покончилъ расчеты съ жизнью, онъ повѣсился на кушакъ подъ тѣми самыми полатами, на которыхъ обиталъ.

Настя. Старая дѣвка, глупенькая, занимавшаяся собираніемъ милостыни. Она постоянно ныла, что умеръ ея женихъ, купецъ Лысковцевъ, бывшій въ соборной церкви ктиаромъ въ началѣ 70-хъ годовъ. Конечно, это басня, но всѣ знавшіе Настю, старались сочувствовать ея горю и не обходили дѣло безъ насмѣшекъ, особенно со стороны калачниковъ на базарѣ. Настя была высокаго роста, сутулая съ слезящимися глазами, вообще невзрачной, если даже не отталкивающей, наружности. Между тѣмъ она каждый годъ рожала.

Ивановна. Петровская мѣщанка, за 50 лѣтъ. Имѣла свой домикъ въ „Ардымской“. Она была въ силѣ и могла бы работать, но собираніе милостыни гораздо легче работы и она набрала этотъ родъ жизни. Наканунѣ каждаго праздника, послѣ сношеній, Ивановна приходила въ церковную сторожку для почлега. Чистенькими кусочками изъ своей сумки она угощала дѣтей діакона, жившаго тоже въ сторожкѣ. И я лавилю такими кусочками, если это можно назвать лакомствомъ. Какъ-то разъ я нарисовалъ водяными дешевенькими красками на дощечкѣ Евангелиста Луку и изображеніе попрылъ лакомъ. Получилась иконка, выглядѣвшая гораздо лучше работъ владимірскихъ богомазовъ. Эту иконку я подарилъ Ивановнѣ и если послѣдняя жива, то вѣроятно и теперь молится на слѣланное мною изображеніе.

Степанъ. Слепецъ, житель хутора Хардина, близъ с. Сивенькихъ, въ 7 верстахъ отъ Петровска. Великимъ постомъ и на большіе праздники, а иногда и въ Петровскій постъ прѣѣзжалъ онъ къ намъ въ церковную сторожку, чтобы поговорить и помолиться въ соборномъ храмѣ. Онъ близко къ кнѣземъ анализъ житіи множества святыхъ. Зналъ пропасть ска-

зокъ и разныхъ прибаутокъ. Приѣздъ Степана былъ для меня сущимъ праздникомъ. Надоѣмъ бывало я ему, упрашивая еще и еще рассказать житіе, сказку или былъ. Рассказывать былъ онъ великій мастеръ; я прямо наслаждался и всячески его поощрялъ: хвалилъ его и удивлялся ему. Онъ, (о, лестъ), видя, т. е. чувствуя во мнѣ такого внимательнаго слушателя и самъ настраивался и на него находилъ ударъ ну и пойдетъ вѣщать. Тутъ и святые, и Ерусланы, и жаръ птица, и все... а я слушаю и слушаю. Степанъ дома занимался плетеніемъ корзинъ, коробовъ, лукошекъ, кувшиновъ и т. п. изъ ивовыхъ прутьевъ. Его работа могла служить въ хозяйствѣ до 10 лѣтъ. Онъ могъ такъ искусно плести кувшины, что въ нихъ держалась вода. Ему было лѣтъ 35-тъ. Смуглый, съ черными волосами на головѣ и бородѣ. На глазахъ у него были бѣлмы.

Феклушка. Подъ этимъ именемъ я помню дѣвицу въ возрастѣ 18—20 лѣтъ, которая съ дѣтства лежала въ постели безъ движенія. Какъ то разъ къ Феклушкѣ пришла дальняя родственница. Пробывъ у нея нѣкоторое время, эта гостыя, при прощаньи жаловалась Феклушкѣ на свое плохое житіе и просила ее помолиться; послѣ того, спустя немного, эта же родственница пришла къ Феклушкѣ уже не сокрушенной, а радостной. Она рассказала, что ей теперь живется совсѣмъ хорошо, ей все удается и должно быть по молитвѣ Феклушки, это Богъ посылаетъ.

Съ того времени Феклушку стали считать блаженной, прозорливой, святой. Къ ней стали стекаться цѣлыя толпы страждущихъ и обремененныхъ и Феклушка успокаивала ихъ. Однажды посѣтилъ ее и я. Феклушка выглядѣла довольно полной женщиной съ красивымъ лицомъ, только какимъ то прозрачнымъ. Она лежала потому, что у нея не владѣли ноги, руками же она могла дѣйствовать почти свободно, а даромъ слова обладала и очень даже не дюжиннымъ. Говорила она тихо, не спѣша, отчетливо произнося каждое слово и какъ то умѣла взоромъ своимъ проникать въ душу. Въ нее вѣрили какъ въ святую. Ей приносили и деньги, и провизію, и одежду. Одѣвалась она просто, но очень чисто. Въ домикѣ у нея всегда пахло такъ называемымъ „рыгальнымъ“ масломъ. А

домикъ ея находился въ мѣстности, называемой „Пивоварской“, недалеко отъ озера въ ветловомъ саду. На ветлахъ было масса грачиныхъ гнѣздъ и тутъ грачи крикомъ своимъ постоянно оглашали воздухъ, какъ впрочемъ и вездѣ въ Петровскихъ садахъ, по берегамъ р. Медвѣдицы.

Никита, изъ синеньскихъ мордвовъ, старикъ лѣтъ 55-ти, расслабленный и весь трясущійся, съ непокрытой головой, съ жидкими прямыми волосами. не чесаными, съ забившейся въ нихъ соломой и назъмомъ. Когда ходилъ по городу за милостыню, то на грудь вѣшалъ деревянную икону Михаила Архангела письма суздальскихъ богомазовъ, а черезъ плечо длиннѣйшую суму. Въ рукахъ имѣлъ длинную съ крюкомъ нверху палку „апостольскую“. Иногда на головѣ у него красовался малахай съ наушниками. Видъ Никиты былъ потрясающій: неувѣренная шатающаяся походка, трясущаяся голова, подергивающееся тѣло, взглядъ мутный, безжизненный и бессмысленный. Говорилъ Никита какъ возъ везъ: медленно и едва понятно. При встрѣчѣ съ нимъ собаки лаяли, а лошади кидались въ сторону. Мальчуганы всегда кричали ему въ слѣдъ: „Никита—волокита купилъ коня безъ копыта; самъ идетъ пѣшкомъ, погоняетъ мѣшкомъ“. Онъ жилъ часто у насъ въ сторожкѣ. Говорятъ, что послѣ онъ поправился и занимался земледѣліемъ. Жизнь въ городѣ было ни больше, ни меньше какъ юродство. Въ милостынѣ онъ не нуждался, такъ какъ имѣлъ хорошій достатокъ.

Талала. Парень лѣтъ 19—20. Глухой; подъ носомъ у него всегда мокро, а изо рта—слюни возжей. Неизвѣстно чей и откуда. Его наслажденіемъ было дергать за колокольную перенку при церковномъ звонѣ въ великій постъ. Онъ не могъ ничего говорить; единственные его слова это „та-ла-ла“ за это его такъ и прозвали. Появленіе „Талалы“ въ Петровскѣ было также неожиданно, какъ и исчезновеніе. Въ городѣ онъ жилъ не больше двухъ недѣль и все вертѣлся около соборной церкви. Одѣвался онъ въ рубаху, на ногахъ—бахилы и больше кажется ничего.

Татьяна. Красивая психически больная женщина лѣтъ 25-ти. Сумашествіе ея заключалось въ томъ, что она не могла усидѣть на мѣстѣ. Невѣдомая сила влекла ее все

впередь и она бѣжала безостановочно черезъ весь городъ, за городъ, полями, лѣсомъ и обратно. Ни грязь, ни болота, ни овраги, ни горы, не могли препятствовать ея бѣгу. Она только, встрѣтивъ на своемъ пути камешки, крестилась на бѣгу, поднимала ихъ и отбрасывала въ сторону. Эту несчастную Татьяну, лѣтомъ 1877 года, изловили на базарѣ калачники и мясники и раздѣвши до нага, всю вымазали дегтемъ и пустили. И вотъ, она вновь пустилась въ своемъ неудержимомъ бѣгѣ. Рассказываютъ, что одинъ изъ Петровскихъ сластолюбцевъ, уже женатый человѣкъ, поймалъ въ такомъ видѣ Татьяну въ лѣсу и изнасиловалъ. Затѣмъ Татьяна была помещена въ домъ умалишенныхъ. Дальнѣйшую судьбу ея не знаю.

Кликуша. Это было въ страстную седмицу на паперти соборной церкви. Сидѣло здѣсь много всякаго народу въ ожиданіи начала богослуженія. Одинъ старикъ рассказывалъ, какъ онъ былъ на Афонѣ, какъ ѣхалъ по морю во время бури; онъ плелъ долго и складно, хотя и вралъ немилосердно. Одна изъ женщинъ настолько увлеклась рассказами старика, что ее начало „хватать“, какъ говоритъ простонародье, съ ней стали происходить припадки: закативъ глаза подъ лобъ, она сначала кричала филиномъ, потомъ едѣлавъ губы сковородникомъ, лаяла по собачьи, далѣе втянувъ въ ротъ углы губъ, кричала курицей, наконецъ начала квакать какъ лягушка. Послѣ всего этого у нея показалась изо рта пѣна и она повалилась въ безпамятствѣ. Кто-то догадался принести воды. Ея сбрызнули и она очнулась.

Василій Ивановичъ Блинникъ. Заштатный пономарь, старикъ лѣтъ семидесяти, съ рѣдчайшими усами и бородой. Волосы у него были собраны въ косичку. Одѣвался въ полукафтанье неопредѣленнаго цвѣта, — такъ оно было ветхо и замасляно. У него не было опредѣленной квартиры. Онъ то жилъ въ сторожкѣ старой Покровской церкви, то въ сторожкѣ у насъ. При соборѣ онъ находился больше всего. Добровольно принятыя имъ на себя обязанности состояли въ возжиганіи свѣчей и лампадъ передъ иконами и кадила. Также онъ прислуживалъ и въ алтарѣ. Жалованье онъ ни откуда не получалъ. Пробавлялся случайными подаваніями, а главное тѣмъ, что сопутствуя духовенству во всякихъ требахъ по домамъ

прихожанъ, онъ тамъ настоятельно требовалъ пищи. На Пасху же ходилъ славить одинъ, на Пасху же — съ духовенствомъ. Голосомъ онъ обладалъ уже слабымъ, а потому на клиросъ не становился.

Онъ очень не любилъ когда его называли *блинникомъ*: сердился, ругался и даже дрался палкой.

Никто, его бывало, такъ не сердилъ, какъ псаломщикъ соборной церкви И. Ф. С.....нъ. Послѣдній всячески издѣвался надъ старикомъ: то вымажетъ ему клейстеромъ голову, то привяжетъ его спящаго кушакомъ къ полатамъ, на которыхъ Василій Ивановичъ послѣ сытныхъ поминокъ благодушеествовалъ. А однажды С.....нъ, взявши копье, хранившееся въ сторожкѣ отъ временъ Петра I вмѣстѣ съ знаменами, алебардами и бердышами, уперся имъ въ ту доску палатей, на которой лежалъ *блинникъ* и прижалъ ее къ потолку, Василій Ивановичъ отъ злости даже плакалъ.

Какъ-то Василій Ивановичъ занемогъ. Вотъ и залѣзъ онъ на печь въ соборной сторожкѣ, чтобы погрѣть старыя кости. Печь только что была истоплена. Разлегся Василій Ивановичъ тамъ и переворачивался съ боку на бокъ, щурясь какъ котъ и кряхтя отъ удовольствія.

Не знаю: тяжелъ-ли былъ Василій Ивановичъ, или печь была сложена плохо, только сводъ печки вдругъ провалился и Василій Ивановичъ въ самой печи испробовалъ насколько горячи были тамъ щи и другія снѣди. Дня два или три Василій Ивановичъ никуда ни показывался, скрываясь ото всѣхъ въ сторожкѣ Покровской церкви. Это считали стыдомъ.

Отъ привычки, нажитой съ малолѣтства, Василій Ивановичъ когда крестился, то всегда, наклоняясь, касался рукою земли. Съ одной стороны это было бы похвально и примѣрно, но съ другой — выходило всегда скверно, ибо поклоны эти непременно сопровождались музыкой изъ подъ сидѣнья.

До самой смерти Василій Ивановичъ былъ на ногахъ прислуживая въ церкви.

Антонъ Григорьевичъ Дубинкинъ. Юродствовавшій въ Петровскѣ 20 лѣтъ. † въ 1867 году. Домъ его былъ около мужского монастыря, гдѣ теперь живетъ землемѣръ Иванъ

Васильевичъ Хребтовъ. Отъ дома до монастыря на протяженіи 120 сажень Антонъ Григорьевичъ прорылъ подземный ходъ (на 4 сажень ниже поверхн. земли въ глинистомъ грунтѣ). По городу онъ ѣздилъ въ кибиткѣ и, позванивая колокольчикомъ, кричалъ: „погораживайся желтопузики!“ Онъ разбрасывалъ по городу хлѣбныя зерна для птицъ; тѣхъ кто не постился по средамъ и пятницамъ билъ палкою. Возставалъ на живущихъ неправдою—билъ окна у мѣстныхъ домовладѣльцевъ и въ полиціи. Неоднократно сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Пензѣ и Петровскѣ и сумашедшемъ домѣ въ Саратовѣ. Бывая въ соборномъ храмѣ за службою, не обращалъ ни на кого вниманія, дѣлалъ что хотѣлъ: обмѣталъ, напимѣръ, пыль съ потолка щеткою и т. п. Жилъ онъ до 70 лѣтъ. *Носилъ 2-хъ пудовыя вериги, которыя и теперь еще лежатъ въ колокольнѣ Казанской церкви.* Похороненъ въ мужскомъ монастырѣ. Надъ его могилою желѣзный крестъ. Въ 1863 году Антонъ Григорьевичъ былъ въ Саратовѣ въ пріѣздъ сюда Цесаревича Николая Александровича. Находясь въ толпѣ онъ, чтобы обратить на себя вниманіе, бросалъ высоко вверхъ арбузы. Цесаревичъ заинтересовался этимъ и затѣмъ говорилъ съ Антономъ Григорьевичемъ. Послѣдній поднесъ ему хлѣбецъ и небольшой арбузъ и сказалъ: „ты царенокъ еще молодой, далъ бы я тебѣ и большой арбузъ, да тебѣ большимъ никогда не быть“—пророчество сбылось черезъ 2 года. Н. А. умеръ въ Ниццѣ 12 апрѣля 1965 г.

Фекла Петровна. Отставная просфирня, старуха лѣтъ подлѣ 60, но крайне живая и бойкая на словахъ и на дѣлѣ. Хотя она и считалась отставной, но просфоры печь продолжала по прежнему, по городскимъ церквамъ ихъ не носила. Напечетъ, бывало, просфоръ и махнетъ верстъ за 30-ть отъ города по селамъ продавать „городскія“ просфоры. Ее знали прихожане всѣхъ городскихъ церквей, даже и изъ хуторовъ, знала и она всѣхъ и каждого. Имѣла свой домикъ и держала нахлѣбниковъ—учениковъ духовнаго или уѣзднаго училища. Если случалась потребность въ ремонтѣ дома,—а денегъ не хватало, Фекла Петровна нанимала лошадь и объѣзжала деревни и хутора для сбора хлѣба, яицъ и шерсти и возвращалась всегда съ цѣлымъ возомъ всякаго добра.

Федръ Андреевичъ Тургеневъ, холостъ, лѣтъ 60-ти, жилъ

пасности отъ огня, тоже съума сошли: они весь свой скорбъ таскали и бросали въ р. Медвѣдицу.

Это былъ сонъ, страшный сонъ, длившійся цѣлые двое сутокъ. Пробужденіе послѣдовало тогда, когда стихіи сами собою утихли, пожравши все, встрѣченное на пути. Пробужденіе было не радостное! Половина города сгорѣла до тла. Были и человѣческія жертвы. Много сгорѣло лошадей. А домашней птицы погорѣло столько, что и не пересчитать.

Въ г. Петровскѣ за время съ 1866 по 1876 г. было столько большихъ и ужасныхъ пожаровъ, что набатный церковный звонъ и сейчасъ ясно и отчетливо представляется мнѣ.

Б а з а р ь.

Жизнь мнѣ не улыбалась въ дѣтствѣ, такъ какъ пришлось жить въ сторожкѣ при соборной церкви окруженной базарной площадью, т.-е. въ такомъ мѣстѣ, съ котораго какъ въ панорамѣ, откровеннѣйшимъ образомъ развѣртывалась картина человѣческой жизни отъ рожденія и до смерти, со всѣми достоинствами и недостатками...

Понедѣльникъ и пятница, какъ базарные дни, позволяли видѣть мнѣ всю разнузданность подвыпившаго русскаго челоѣка. Позволяли видѣть мошенническіе продѣлки цыганъ—лошадиныхъ барышниковъ и коноваловъ. Зазыванія торговцевъ и ихъ клятвы и божбу при расхваливаніи своего товара передъ покупателями. Забавы калачниковъ и мясниковъ въ базарные дни.

Вотъ, напимѣръ, нѣсколько шутокъ торговцевъ...

Калачный рядъ. Тѣсно здѣсь и грязно. Пробирается рядами сѣренькій мужичекъ робко и глядя въ землю. Вдругъ онъ видитъ на землѣ серебряную монету. Озираясь по сторонамъ, онъ нацѣлился взять ее и для вѣрности перекрестился, но... ужасъ! Монета быстро отъ него поползла въ сторону. Мужичекъ за ней, а она безслѣдно пропала. Калачники устроили эту потѣху, взявши монету съ дырочкой и бросивъ ее на грязную дорогу на черной ниткѣ. Удивленіе мужичка доставило имъ великое удовольствіе.

Мясники заарканили одну изъ бродячихъ собакъ. Съ особенной тщательностью они надули воздухомъ сухой бычій пузырь, предварительно бросивъ въ него двѣ горсти гороху. Затѣмъ этотъ пузырь привязали они къ хвосту злополучной собаки и пустили ее. Сначала она степенно отбѣгла въ сторону и стала. Потомъ, чувствуя себя свободной махнула хвостомъ. Пузырь, укрѣпленный къ хвосту, ударился объ землю; а отскочивъ отъ земли, ударилъ ее по спинѣ, издавши дробный звукъ. Ничего подобнаго не ожидавшая собака шархнулась впередъ. Хвостъ замахалъ, пузырь съ горохомъ сталъ колотить ее и по бокамъ и по спинѣ и она съ воємъ понеслась, не зная куда. Развѣ же это не потѣха!

Другой пойманной собакѣ мясники привязали къ хвосту цѣлое полѣно. Тутъ ужъ не потѣха, а издѣвательство надъ бѣднымъ животнымъ. Собака съ такимъ грузомъ на собственномъ хвостѣ искалѣчила себя до полной инвалидности.

Бакалейщикамъ скучно. День небазарный. Торговли нѣтъ. Наловили они въ ловушки крысъ. И чѣго только они тутъ съ ними не продѣлывали. Кто палилъ крысу огнемъ, кто отрубалъ хвостъ или одну изъ лапъ, кто, зацѣпивъ удочкой крысу за бокъ, пускалъ ее на лескѣ. Крыса то убѣжитъ и скроется, то опять появится на сценѣ, притянутая торговцемъ за леску. Кто опускалъ ловушку съ крысой въ кадку съ водой и т. п.

Пожарная команда въ г. Петровскѣ въ 1867—1880 годахъ.

За эти четырнадцать лѣтъ я жилъ совершенно рядомъ съ пожарной командой въ возрастѣ 5—19 лѣтъ. Пожарный сарай представлялъ собою деревянное зданіе сажень 15 длиною съ деревянной надъ нимъ каланчей, вышиною 6—7 сажень. Въ этомъ сараѣ помѣщались: съ сѣверной стороны зимнее жильё для пожарныхъ служителей съ громадною русской печкой и нарами по стѣнамъ. Остальная часть дѣлилась на двѣ половины, въ которыя съ востока вели нѣсколько большихъ дверей съ подъездами и тамъ помѣщались пожарныя машины и экипажи съ баграми, лѣстницами и щитами, съ запада же въ этомъ же зданіи помѣщались конюшни. По одной линіи съ этимъ сараемъ находился съ юга сарай меньшихъ размѣровъ, въ которомъ помѣщались: въ восточной половинѣ по-

жарныя трубы и другія инструменты, а въ западной — конюшни. Впереди большого сарая устроенъ былъ навѣсъ, подъ которымъ стояли бочки съ водой, а сзади низенькое длинное сажень въ 20-ть деревянное зданіе, раздѣленное двадцатью перегородками, гдѣ зимою хранилось сѣно, а лѣтомъ тамъ жили и пожарные съ семьями.

Въ мое время пожарный обозъ былъ въ Петровскѣ громадный: 8 пожарныхъ трубъ, 30 бочекъ и два багровыхъ хода. Подъ трубы и багровые ходы впрягалось по парѣ лошадей, а подъ бочки по одной лошади.

Каждый пожарный случай я зналъ одинъ, такъ сказать, изъ первыхъ. Часто я ѣздилъ на пожаръ взобравшись на багровый ходъ съ щитами и пологамъ, гдѣ сидѣть было мягче. Пожарный сарай обслуживалъ кромѣ своей прямой специальности еще и слѣдующіе: тѣла скоропостижно умершихъ, замерзшихъ, самоубійцъ и убитыхъ злоумышленниками, всенепремѣнно доставлялись туда для вскрытія. Какихъ, какихъ только труповъ не приходилось видѣть? Конечно, самое гнетущее впечатленіе оставляли трупы убитыхъ. Были трупы вѣтрски изуродованные. Самый процессъ вскрытія мучилъ душу.

Разъ привезли трупъ женщины, найденный въ полѣ, зарытымъ въ соломѣ. Дѣло было лѣтомъ. Трупъ началъ уже разлагаться. Тѣло сильно вздуто и какого-то желтаго отвратительнаго цвѣта. Глаза открыты и въ испугѣ. Въ волосахъ кровь съ червивыми гнидами. Когда фельдшеръ надрѣзалъ животъ, чтобы изслѣдовать внутренности, животъ шумно лопнулъ и разлилъ такое зловоніе, что меня цѣлые годы тошнило, какъ только я объ этомъ вспомню. Этотъ процессъ изслѣдованія желудка, печени, сердца, это пиленіе черепа, чтобы достать мозгъ, затѣмъ зашиваніе живота и черепа. Какъ отвратительно это! До сего времени морозъ по кожѣ пробѣгаетъ, какъ вспомню.

Въ свободное время, лѣтомъ, пожарные забавлялись на площади, какъ дѣти. То играли въ козны, то въ чижки и чушки, а то—такъ склеивши громадный змѣй изъ сахарной бумаги, запускали его на англійской бичевкѣ съ трещетками; прикрѣпляли бичевку къ маленькой телѣжкѣ, въ которую усаживался какой-нибудь Ванька лѣтъ 35, а змѣй его и та-

щилъ по площади. Хохоть, ругань, крикъ!.. А то соберется пожарныхъ челоуѣкъ 10-ть съ бреднемъ раковъ бродить въ р. Медвѣдицѣ, протекающей здѣсь же у пожарки. Раковъ было тогда великое множество. Въ три заброда ловили три конныхъ ведра. Сейчасъ-же разводили на берегу у воды огонь и въ громадномъ чугунѣ варили. Вокругъ огня усаживались всѣ свободные пожарные съ кусками хлѣба въ рукахъ и принимались уничтожать свѣже-наваренныхъ раковъ. Сколько тутъ бывало розказней, шутокъ, острогъ! Случалось, что и ругались. Но вотъ набатъ, извѣщающій о пожарѣ, заставлялъ команду бросить все, бѣжать запрягать лошадей и мчаться на пожаръ, нерѣдко длившійся по цѣлымъ суткамъ.

Соборная церковь.

Въ Петропавловскомъ соборѣ хранится старинный синодикъ. На первомъ мѣстѣ въ немъ изображеніе:

и четверостипіе:

„Се зракъ—

„Смерти знакъ.

„Зри всякъ

„Будеши такъ“.

Затѣмъ: „Помяни Господи души усопшихъ рабъ твоихъ“ и перечисленіе именъ.

Въ храмѣ есть громадная икона, такъ называемая „святцы“ съ изображеніемъ безчисленнаго множества святыхъ, а также годовыхъ праздниковъ. Самая середина иконы занята изображеніемъ Воскресенія Христова и сошествія Его во адъ. Въ аду изображенъ рогатый и черный Вельзевулъ князь бѣсовскій и на лонѣ его—Иуда съ кошелькомъ въ рукахъ. Живопись замѣчательно миниатюрна и тонка особенно въ изображеніяхъ святыхъ. Эта живопись называется греческою или строгоновскаго письма.

При церкви очень большое пространство земли было загорожено деревянной и рѣдкой оградой межъ камен-ныхъ столбовъ. Все это пространство земли въ мое вре-

мя покрывалось лѣтомъ роскошной травой, которую косили на сѣно. Были попытки вырастить здѣсь сосны, но сѣмена не дали ни одного всхода. Около сторожки въ безпорядкѣ росли довольно объемистыя яблони и липы. По угламъ же осталь-ного пространства ограды росли кленъ и бузина.

Каждый годъ на праздникъ св. Пасхи появлялся въ соборной церкви неизвѣстный старикашка, плюгавенькій на видъ и низенькаго роста, весь сѣдой. Онъ всегда пристраивался, бывало, въ богоносцы, когда духовенство шествовало по домамъ прихожанъ съ молебнами. Расчетъ у старика былъ вѣрный: онъ всю недѣлю сытъ, да и про запасъ у него оставалось, такъ какъ вездѣ богоносцамъ подавали или копѣчки или красныя яйца. Этотъ старикъ до такой степени любилъ тухлыя яйца, что бывало трясется надъ подобнымъ яйцомъ, жадно пожирая его. Кстати здѣсь сказать, я слышалъ, что тухлыя яйца одно изъ лучшихъ средствъ для избавленія отъ чахотки въ первой стадіи ея развитія. Будто бы такія яйца имѣютъ какія-то газы, уничтожающіе чахоточныя бациллы.

Духовенство.

Священникъ церкви въ первое время сильно пилъ, озорничалъ и ругался надъ своей попадѣй. Розказываютъ, что въ издѣвательствѣ своемъ надъ нею, онъ доходилъ до того, что заставлялъ ее провозить его верхомъ на себѣ по базару.

Дьячекъ церкви жадный до водки, однажды, поспоривъ въ кабацѣ, что однимъ духомъ выпьетъ штофъ водки, дѣйствительно выпилъ его, но заплатилъ за это жизнью.

Діаконъ церкви постоянно пилъ и ругался всегда какъ сапожникъ, пьяный-ли, трезвый-ли. За это его оставили за штатомъ. Его однако не запрещали совѣмъ, а потому иногда приглашали служить то въ одну, то въ другую церковь. Онъ умѣлъ переплетать книги. Его жена употребляла всякія средства, чтобы вытерепить отъ него заработокъ, или приносимую имъ водку.—Отецъ діаконъ, однако, не унывалъ: онъ напивался и дома, хотя водки при немъ какъ будто и не

было. Дѣло въ концѣ концовъ объяснилось просто: онъ при-
рѣлъ себѣ желѣзную палку полу ю внутри. Въ нее помѣщалось
какъ разъ до 1 штофа водки. Съ этимъ жезломъ онъ никогда
не разставался.

Дьячекъ Богоявленской (Предтеченской тожъ) церкви NN
вовсе не имѣя голоса, т. е. говоря хриплымъ шопотомъ, во-
таки числился на службѣ и становился на клиросъ.

Мнѣ хочется рассказать о томъ, какъ благолѣпно прои-
водилась церковная служба въ Соборной церкви. Нужно ска-
зать, что весь составъ церковнослужителей въ Соборѣ, на
моей памяти, былъ хорошій какъ на подборъ. Исключение со-
ставлялъ одинъ только изъ всѣхъ четырехъ псаломщи-
ковъ, — Н.....ъ, который, при всей своей аккуратности по-
обще, не имѣлъ способности правильно пѣть и плохо чи-
талъ. Такъ вотъ... Великій постъ. Крестопоклонная недѣля.
Въ соборной церкви идетъ богослуженіе, — великое повечеріе.
Между чтеніемъ поются высокорелигіозныя по содержанию и
умилительныя по мотивамъ пѣснопѣнія изъ канона Андрея
Критскаго. Миряне всецѣло захвачены молитвенномъ экста-
зомъ, они всѣ мысли свои направили въ высь, къ Богу.
Въ особенности же когда на амвонѣ, къ царскимъ вратамъ,
выходили и становились въ одинъ рядъ псаломщики: П. И.
М....ій, И. Ф. С.....ъ и С. А. С.....ій — тріо: бассъ, первый и вто-
рой тенора съ нотными тетрадками въ рукахъ и начинали
пѣть стихиры „Господи, аще не быхомъ святыхъ Твоя имѣли
молитвенники и благостыню Твою, милующую насъ, како смѣли,
быхомъ Спасе, пѣти Тя, Его же славословятъ непрестанно ангели.
Сердцевѣдче, пощади души наша“, поклонъ въ землю и
затѣмъ далѣе: „Многая множество моихъ Богородице прегрѣ-
шеній.... моли Сына Твоего Христа Богана ашего дати ми оста-
вленіе яже содѣяхъ лютыхъ, едина благословенная“, поклонъ
въ землю и далѣе „Всесвятая Богородице, во время живота
моего, не остави мене, человѣческому предстательству не
вѣри мя, но Сама заступи и помилуй насъ“, поклонъ въ
землю... Это тріо всегда вообще хорошо и умѣло пѣло, но
когда оно пѣло великимъ постомъ вотъ эти стихиры, тогда,
кажется, оно вкладывало въ пѣніе всю душу пѣвца и вѣрую-
щаго христіанина.

Духовенство г. Петровска — дьячки — дьяконы —
ми, мѣстомъ сборищъ для водкопитія имѣли кабацекъ, содер-
жимый тремя вдовами: матерью съ дочерью и бабушкой пос-
лѣдней. По пословицѣ: „мать съ дочерью, да мать съ дочерью
да бабушка со внучкой, а всѣхъ только трое“. Онъ болѣе
былъ извѣстенъ подъ названіемъ „кабацекъ матери Мараихи“
Дѣвѣ женщины были уже довольно старыя и въ питейныя дѣла
вмѣшивались мало, третья же — маленькаго роста, лѣтъ 40, с
какимъ то лошадинымъ лицомъ и глазами на выкатѣ, руководи-
ла всѣмъ. Грубый ея голосъ и эти глазища — „лупаны“, какъ
ихъ всѣ называли, готовые выскочить и мутные, — не распо-
лагали къ ней, между тѣмъ отцы духовные были завсегда
тайми у нея. Дѣло въ томъ, что эти матери „Мараихи“ отводи-
ли отцамъ, при выпивкѣ, свои комнаты, ставили на закуску
соленые огурцы и капусту и главное вѣрили въ долгъ.

Въ Петровскѣ существовала даже такая вотъ ругани-
на: „Да ну тебя къ матери Мараихѣ“.

Трупы, видѣнные мною въ соборной церкви.

Видѣнный трупъ. Это было лѣтомъ, въ свободное отъ ученья
время, когда я не находилъ себѣ мѣста отъ скуки. Забрелъ
я въ церковь, гдѣ тогда шла литургія. Обойдя всѣ цер-
ковныя углы, я увидѣлъ простой сосновый гробъ, ста-
вившійся спротиво на двухъ табуреткахъ въ лѣвомъ придѣлѣ
храма. Около гроба никого не было, что меня, главнымъ о-
бразомъ и удивило. Вѣдь обыкновенно около покойниковъ всегд-
а въ церкви кто нибудь да есть. Подойдя къ гробу и заглянувъ
въ него, я въ крайнемъ испугѣ отшатнулся. Представьте се-
бѣ умершаго старичка бѣдно обряженнаго въ гробу съ откры-
тымъ лицомъ и ртомъ. Что же тутъ особеннаго?.. Но вотъ
что поразительно: у мертвеца все лицо, вся голова, весь ротъ
носы, уши, были наполнены клубами паразитовъ. Они копоши-
лись не каждый въ отдѣльности, а цѣлыми кучками сразу. Ес-
ли болѣе поразительно, что и подъ закрытыми вѣками глазъ
тоже замѣчалось присутствіе вшивыхъ кучекъ, такъ что вѣки
кажались, двигались. А въ открытомъ рту не видно было языка
и казалось, что будто онъ отъѣденъ ими. Такая картина
на мени, маленькаго мальчика, произвела потрясающее вѣ-

чатлѣніе. И тогда мнѣ пришелъ на память церковный стихъ, поемый при погребеніи: „Плачу и рылаю, егда помышляю смерть и вижу во гробѣхъ лежащую бездыханную нашу красоту, безобразну, безславну“.... А затѣмъ долго послѣ того мнѣ мерещились эти паразиты.

Черный трупъ. Это гробикъ мальчика-подростка, умершаго отъ черной оспы. Лицо покойника было сплошь покрыто черною отвратительною болячкою и на это лицо садились мухи, жадно высасывая гной изъ болячекъ, до того жадно, что стоявшіе у гробика родные покойника, съ трудомъ могли отгонять этихъ насѣкомыхъ, которые послѣ того, быть можетъ, всюду разносили заразу.

Гроба, числомъ до одиннадцати, съ трупами погибшихъ въ страшномъ пожарѣ, бывшемъ въ дер. Бобровкѣ, отстоящей отъ Петровска въ 10 верстахъ. Ихъ установили около Соборной церкви снаружи. Въ самый храмъ уже не вносили. Толпа народу окружала гроба. Тутъ были сѣлованія, плачь, разные догадки о томъ, что-де пожаръ насланъ колдунами. Организовался сборъ денегъ на помощь погорѣльцамъ. Деньги клались прямо въ открытые гроба. А что же въ гробѣхъ? Тамъ было жареное, вареное, обгорѣлое, перегорѣлое человѣческое мясо; тамъ были груды перегорѣлыхъ человѣческихъ костей... Около гробовъ убивались отъ горя родные погибшихъ въ пожарѣ...

А вотъ привезли къ церкви два гроба съ трупами погибшихъ по своей смѣлой неосторожности мужички: одного старика, а другого ереднихъ лѣтъ. Эти погибшіе, наканунѣ работали по разборкѣ стѣнъ громаднаго двухъ-этажнаго зданія винокуреннаго завода, принадлежавшаго купцамъ Щербиновскимъ. Работа этихъ простяковъ близилась уже было къ концу и оставалось разобрать только еще одну стѣну. Для скорости дѣла, рабочіе подкопали ее и, закинувъ веревку на стѣну, стали тянуть ее на себя. Расчитали они плохо, стѣна всею тяжестью рухнула на нихъ и превратила этихъ труженниковъ прямо-таки въ лепешки. По этой причинѣ и гроба для нихъ были сдѣланы необычайной ширины. Очень мени

постоянно одиноко и весьма скромно, хотя обладалъ изрядными денежными средствами. Въ его домѣ на Московской ул. помѣщалась аптека Коха. Всѣхъ своихъ родныхъ Федоръ Андреевичъ не оставлялъ ни совѣтами, ни средствами, и они его очень уважали. Его стараніями возведена большая каменная церковь Казанской Божіей Матери вмѣсто маленькой деревянной. Всѣ городскія церкви до конца 50-хъ годовъ въ большинствѣ холодныя, стараніями же Ф. А. перестроены въ теплыя. Устроена обширная богадѣльня при кладбищенской церкви (на средства Энина) при участіи Тургенева, какъ душеприкащика Энина. Федоръ Андреевичъ, начиная съ конца 70-хъ годовъ, былъ до самой смерти городскимъ головой. Въ его управленіе городомъ воздвигнуты каменные зданія для начальнаго и городского 4-хъкласснаго училищъ. Вымощены базаръ и тѣ улицы, которыя были непроѣздными. Одѣвался Тургеневъ въ долгополый сюртукъ и плисовые сапоги безъ каблучковъ. Онъ отличался религіозностью: за всякою праздничною службою его можно было видѣть усердно молящимся на одномъ изъ свободныхъ клиросовъ соборной церкви. Когда онъ дѣлалъ земные поклоны, то не знаю почему одну ногу вытягивалъ, а не сгибалъ, какъ другую. При его же участіи перестроенъ и Петровский соборъ, въ которомъ теперь всѣ три престола находятся въ одинъ рядъ. Умеръ благословляемый всѣмъ городомъ.—

Петровский купецъ С....ъ обладалъ замѣчательно крѣпкой башкой, не говорю головой, ибо черезъ это не получилось бы впечатлѣнія отъ разсказа, которымъ мнѣ хотѣлось бы впечатлѣть особенность этой башки. Этотъ С.....въ въ молодыхъ лѣтахъ здорово выпивалъ и за стаканъ водки онъ раскалывалъ о свой лобъ кирпичи. А вѣдь въ прежнее время кирпичи приготовлялись не какъ теперь: они имѣли и болѣйшій размѣръ и закаливались крѣпче. Или же С.....въ на споръ отворялъ лбомъ самую тугую дверь. Особеннымъ смысломъ С.....въ не обладалъ, но дуракомъ все-таки не былъ. Прожилъ онъ 90 лѣтъ. Въ послѣднее время своей жизни онъ едва двигалъ ногами и голова у него моталась и тряслась, какъ у игрушечнаго глинянаго кота.

Въ Петровскѣ въ мое время отличался озорствомъ

мѣстный паренъ изъ пѣхотныхъ крестьянъ *Кутруха* (имя и фамилію его не знаю), лѣтъ 16—17-ти отъ роду. Онъ шатался по городу, по видимому, безъ всякаго дѣла, но нерѣдко съ деньгами, которыми онъ нарочно гремѣлъ, проходя по базару. За Кутрухой слѣдовала толпа сверстниковъ, бывшихъ у него въ какомъ-то подчиненіи. Ихъ Кутруха одѣлялъ булками, папиросами, рожками и другими лакомствами и снѣдью. Бывало эта ватага, разозорничась, пѣла разную похабную ерунду, вродѣ: „летѣлъ дятель по п...дѣ запятилъ“ и т. п. Кутруха имѣлъ круглое лицо съ простоватымъ выраженіемъ и крупными губами, которыми онъ шлепалъ когда говорилъ. Онъ по городу бѣгалъ всюду, но болѣе всего пребывалъ въ садахъ (въ лукѣ) и огородахъ, гдѣ опустошалъ овощи. Бывало нажрется наворованныхъ огурцовъ и купаясь въ Медвѣдицѣ у полковническаго моста, невѣжничаетъ никого не стѣсняясь. Скверная ругань у Кутрухи съ языка не сходила. Послѣ оказалось, что Кутруха существовалъ профессіей вышибалы въ притонахъ разврата, гдѣ добывалъ и деньги. Мнѣ случайно пришлось быть очевидцемъ его бракосочетанія въ соборной церкви. (Своей женѣ онъ откусилъ впослѣдствіи носъ). Гдѣ и что теперь этотъ Кутруха?...

Никишка Сердобскій. Субъектъ интересный въ томъ особенно отношеніи, что обладая домомъ, дранкой, семьей и живя очень хорошо для землепашца, вдругъ началъ дурачиться. Какъ только настанетъ утро, Никишка бѣжитъ по городу и выкидываетъ цѣлый день разныя штуки. То прибѣжитъ въ соборную церковь во время службы и растормошитъ тамъ всѣхъ нищихъ и другой разный народъ обыкновенно становящійся на паперти церковной, то забѣжитъ къ намъ въ сторожку и притащитъ охапку разныхъ новыхъ книгъ, бумаги, карандашей, ручекъ, перочинныхъ ножей и, бросивъ все это, убѣжитъ. Появившись на базарѣ, Никишка, мечется по лавкамъ и столикамъ, причиняя невообразимыя хлопоты торговцамъ, которые должны были зорко наблюдать, какъ бы у нихъ Никишка не сперъ чего нибудь. А спереть легко когда торговца окружаютъ покупатели. Никишка тащилъ все, что ему ни попадалось въ руки и принесъ утащенное въ первый попавшійся ему на пути домъ, бросалъ это тамъ. То бывало соберетъ около себя

толпу мальчишекъ и предводительствуя ими съ шестомъ въ рукахъ, украшеннымъ тряпичей, шествуетъ торжественно по городу, какъ какой либо военачальникъ. Говорятъ, что сумашествіе Никишки было притворнымъ. Ему предстояло отбытіе воинской повинности, а въ солдаты идти ему не хотѣлось. Затѣя его достигла цѣли. Его признали сумашедшимъ. Спустя годъ послѣ сего Никишка зажилъ степенно и кажется здравствуетъ и теперь.

Васька Гуровъ. Это былъ въ г. Петровскѣ одинъ изъ отчаянныхъ воровъ, не смотря на свое убожество. У него одна нога была на клюшкѣ. Порочная его специальность—копированство, а по ремеслу онъ сапожникъ. Однажды попался онъ съ краденою лошадыю, за что били его нещадно и тиранили на всѣ лады. Извѣстно, какъ это творится самосудомъ. Неудовольствовавшись побоями, эти судьи Линча бросили Гурова въ трясину въ южной сторонѣ отъ Петровска въ мѣстности, называемой „Барабанская“ и шестами затискали его поглубже въ надеждѣ, что наконецъ отдѣлаются отъ этого вора. Однако же на другой день убогій Гуровъ появился въ городѣ какъ ни въ чемъ не бывало и пьянствовалъ въ кабацѣ. (Разсказываютъ, что отъ послѣдствій побоевъ воры пьютъ собственную мочу и будто бы это средство всякую боль какъ рукой снимаетъ). Гуровъ петровскій мѣщанинъ. Низкаго роста, плечистъ, съ кудрявыми рыжеватыми волосами и широкимъ рыбьимъ лицомъ. Взглядъ у него лукавъ, голосъ же грубый. Въ 1878 г. ему было лѣтъ 30-ть.

Лѣтомъ онъ жилъ болѣе или менѣе скромно, занимался своимъ ремесломъ и зарабатывалъ хорошо, такъ какъ отлично шилъ сапоги. Но вотъ какъ придетъ осень, Васька начинаетъ балагурить и добьется таки, что судья засадитъ его въ арестный домъ.

Какъ то разъ Васькѣ надоѣло и лѣтомъ работать, онъ забалагурилъ, но однако ему все сходило съ рукъ, между тѣмъ ему стало скучно таскаться безъ того, чтобы не фигурировать у мирового въ качествѣ обвиняемаго. Вотъ онъ является въ полицейское управленіе съ палкою. Его никто ни о чемъ не спрашиваетъ, его будто бы не замѣчаютъ. Стоялъ, стоялъ Гуровъ, да и давай бить окна палкой. Конечно, его

сейчасъ же арестовали, о буйствѣ и разбитіи оконъ составили протоколъ и, къ мировому. Мировой приговорилъ его въ арестный домъ на 2 недѣли о чемъ ему и объявилъ, спросивъ: „довольны ли вы, Гуровъ, рѣшеніемъ“?

— Нѣтъ не доволенъ, закричалъ Васька, добавляя: ты не мировой судья, а камолый баранъ!

Судья съ своей стороны составилъ протоколъ объ оскорбленіи его при исполненіи служебныхъ обязанностей и Гурова отвели въ арестный домъ. Окружный судъ, разобравъ это дѣло, приговорилъ Гурова въ тюрьму. Васька выслушавъ рѣшеніе суда, оскорбилъ и весь составъ суда площадной бранью. За это ему усилили наказаніе, увеличивъ срокъ тюремной высибки.

Въ тюрьмѣ Гуровъ зарѣзалъ арестанта и осужденъ въ Сибирь на вѣчное поселеніе. Гдѣ онъ теперь?

Алеша Грачевскій. Это крестьянинъ хутора Грачева, Камышинской волости, Петровскаго у. Я его зналъ въ 70-хъ годахъ. Тогда ему было 50—55 лѣтъ отъ роду. Ростъ его превышалъ косую сажень. Лицомъ безобразенъ, но не страшенъ, благодаря кроткому выраженію глазъ; туловищемъ широкъ и вообще сложеніемъ несуразенъ и тяжелъ. Руки и ноги длинныя. Кулаки и ступни ногъ громадны. Движенія неуклюжи. Онъ представлялъ собою сказочнаго „Микулу Селяниновича“. По ремеслу былъ плотникъ. Когда работалъ, то въ движеніяхъ былъ медлителенъ; за то уже работалъ за десятирыхъ. Другому надо тяпнуть топоромъ 10 разъ, а Алешѣ — разъ, или, напимѣръ, чтобы перевернуть брусъ для другого надо употребить 10 минутъ, а для Алеши — одну минуту и т. д. На какойнибудь гнѣвъ Алеша не былъ вовсе способенъ. Да и что бы было, если бы Алеша при такой мощи, да еще буйствовалъ: онъ какъ слонъ сокрушилъ и подавилъ бы все. Онъ тройку лошадей одною рукой останавливалъ. Для него пустяки разорвать подкову или остановить вѣтряную мельницу. Онъ перекидывалъ двухпудовыя гири черезъ двухэтажный домъ. Вѣтъ онъ не больше другихъ, а водка на него особенно дѣйствовала: съ одного стакана пьянѣлъ. Помню, однажды Алеша пришелъ къ намъ въ церковную сторожку выпивши. Дома была одна мать. Ему нужно было справиться по какому-

то дѣлу. Сознавая себя пьянымъ, Алеша вытянулся на полу отъ порога передней, черезъ всю переднюю и даже еще черезъ порогъ слѣдующей комнаты, говоря: „Я рыбкой, рыбкой, мать дьяконица, только прости, сдѣлай милость“!

Я видѣлъ однажды, какъ Алеша тащилъ на себѣ вдребезги пьяныхъ четверыхъ своихъ товарищей плотниковъ разъ и кромѣ того инструменты свои и тѣхъ пьяныхъ. Тащилъ онъ ихъ изъ кабака на квартиру. Эта картина полна комизма и удивленія громадной силѣ Алеши. Я зналъ отца и мать Алеши: они были обыкновенные люди. Зналъ и жену Алеши — это была вовсе маленькая бабенка. Сынъ Алеши въ 16 лѣтъ напминалъ силой отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ писанный красавецъ. Въ военной службѣ онъ на гимнастикѣ по своей оплошности расшибся и умеръ. Я видѣлъ Алешу въ гробу. Гробъ — это колода.

Кочемасовъ. Петровскій мѣщанинъ, по ремеслу сапожникъ. Высокаго роста, плотнаго и мускулистаго сложенія, живой и ловкій, лѣтъ около 30-ти. Онъ страстно любилъ помѣриться силой въ кулачныхъ бояхъ, составлявшихъ для Петровскихъ жителей всѣхъ сословій такое же развлеченіе и зрѣлище, какъ бои быковъ въ Севильѣ. Каждый праздникъ въ зимнее время въ Петровскѣ, лѣтъ 30-ть тому назадъ, устраивались кулачные бои или на льду р. Медвѣдицы, текущей у города съ востока, или на Наземной улицѣ, чаще на этой улицѣ. Обыкновенно начинали мальчишки, затѣмъ парни, а потомъ уже въ бой бросались и взрослые, даже старики. Дрались „городская“ сторона, т. е. жители мѣстности города по лѣвому берегу р. Медвѣдицы на сторону „Ардымскую“, т. е. съ жителями мѣстности по правому берегу. Любоваться боемъ выходилъ весь городъ.

Вотъ когда мелкота раззудить большихъ, то и начинается потасовка сторона на сторону, стѣна на стѣну. Крикъ, стонъ, смѣхъ, летящія вверхъ шапки, паръ выходящій изъ сотенъ разгоряченныхъ грудей, захватывали духъ у зрителей. Но это еще все начало боя, тутъ еще не опредѣлилось, какая сторона или стѣна побѣждаетъ, — „городская“ или „ардымская“.

Но вотъ видимо тѣснить „ардымская“ — „городскую“, послѣдняя сначала подалась немного, а затѣмъ обратила тылъ и побѣжала. Тутъ выступаютъ: „Петька Сапожникъ“ „Телочкинъ—портной“ и другіе второстепенные бойцы „городской“ стороны и восстанавливаютъ равновѣсіе. „Городская“ сторона съ ихъ поддержкой погнала съ своей стороны „ардымскую“. А тутъ изъ „ардымской“ стѣны вдругъ вылетаютъ первоклассные бойцы ея: „Полтора—Федора“ чернорабочій и „Сергушка“—татаринъ. Они погналы „городскую“ сторону, гнали долго и постыдно. Петька и Телочкинъ успѣли уже выпить по бутылкѣ водки и въ возбужденіи дѣлали чудеса ловкости и силы, ихъ поддерживали и другіе, но всетаки „городская“ сторона вынуждена позорно и бѣгомъ податься даже до монастыря. Ардымцы заликовали, съ ихъ стороны посыпались на горожанъ насмѣшки, остроты и ругань. Недолго, однако, они торжествовали. Вотъ бросился на ардымцевъ подобно льву „Кочемасовъ“ крича и гогоча. Ардымцы не поддались и здорово ему наклали. „Кочемасовъ“ озвѣрелъ, сбросилъ съ себя бекешку. Онъ врѣзался въ самую середину ардымцевъ: ударъ его люкши валилъ сразу пять человѣкъ, а правши—десять. Онъ прочистилъ путь. Слѣдомъ за нимъ другіе, а постороннамъ Петька и Телочкинъ. Снѣгъ сталъ обогряться кровью изъ разбитыхъ носовъ, ардымцы побѣжали, а ихъ все гнали и гнали и загнали въ самую „ардымскую“ слободку. „За мажая загнали“ стали говорить, а это значило, что кулачкамъ на этотъ день конецъ, да ужъ и сумерки на дворѣ.

На слѣдующій праздникъ опять тоже. Опять „ардымская“ сторона сначала загнала „городскую“ къ монастырю. Въ бою произошла невообразимая путаница: все тѣсно слилось—и бойцы и зрители. Однако, дѣйствія Кочемасова, Петьки и Телочкина замѣтны. Ихъ опытность и ловкость выдѣлялись, не смотря ни на что. То Кочемасовъ своимъ кулачищемъ поддѣлывалъ кого нибудь изъ ардымцевъ и кидалъ надъ толпой, то Петька, загнувъ голову какъ быкъ, съ ревомъ опрокидывалъ десятыхъ. При такомъ разгарѣ боя принимали участіе даже и тѣ, которые еще лѣтъ 5—10 тому назадъ зарѣклись драться. Выступали нѣкоторые и изъ интеллигенціи.

Я помню, какъ двое учителей изъ семинаристовъ и чиновникъ однажды постояли за городскую стѣну. Любо было смотрѣть на нихъ. Очень прилично одѣтые, въ лайковыхъ перчаткахъ, и шляпахъ, изящными, сравнительно, кулаками, они втроемъ опрокидывали цѣлую стѣну. Тутъ пасовали и Полтора-Федора и Сергушка Татаринъ, и всякіе орангутанги и гориллы „ардымской“ стороны. Слышалось только шелканье получаемыхъ ими ударовъ прямо по фізіономіямъ. Въ этотъ разъ „ардымская“ сторона была не только загнана „за мажая“ но и совершенно разсѣяна. Эти господа дрались чрезвычайно отчетливо. Напримѣръ, встрѣченный однимъ изъ нихъ какой нибудь медвѣдь, не успѣвалъ развернуться какъ летѣлъ черезъ толпу вверхъ ногами съ одного „господекаго“ удара.

Сергушка татаринъ, удалецъ съ ардымской стороны, въ этотъ разъ даже раздѣвался весь, оставаясь въ одной рубахѣ и какъ бѣсъ носился, съ визгомъ наскакивая на городскихъ, думая этимъ зажечь отвагу въ товарищахъ, но господа, да и Кочемасовъ всему противустояли.

Лихое было время!.. Одни раздѣлывались своими боками, другіе подзуживали дерущихся и зрителей и крикомъ и водкой, третьи хохотали, четвертые собирали пуговицы, крючки и петли отъ одежды, какіе отрывались въ пылу битвы и падали на снѣгъ.

Кочемасовъ повыше локтей затягивалъ передъ дракой свои руки ремнями, что бы кулаки натекали кровью и были тяжеловѣснѣе. Случалось, что онъ не фізіономію непріятелю разбивалъ, а свои кулаки о фізіономіи и изъ кулаковъ брызгала кровь. Дикій крикъ сопровождалъ его въ битвѣ. Иногда онъ ударомъ своимъ дѣлалъ изъ лица непріятеля что-то безобразно-кровоавое, или переламывалъ ребра. Но кулачники не жаловались. Растовороживаніе фізіономій и переломъ реберъ Кочемасовъ производилъ только въ сильно разсерженномъ видѣ, обыкновенно же онъ угощалъ непріятелей только оплеухами, чтобы сшибить съ ногъ.

Нерѣдко можно было наблюдать на кулачкахъ, какъ зашибленный подъ „микитки“ боецъ лежалъ безъ памяти. Въ чувство приводили такого водкой.

Старшій городской Фляммъ изъ контанистовъ, средняго роста, плотнаго сложенія, неопредѣленныхъ лѣтъ. Рыжій, кривой. Бороду брилъ и потому у него былъ отлично виденъ чудовищный подбородокъ въ видѣ зоба. Лицо и руки въ веснушкахъ. Зналъ онъ въ городѣ всю подноготную и потому былъ грозою ворешекъ. По службѣ считался весьма исполнительнымъ и служилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ безмѣнно. Видъ его былъ противенъ настолько, что едва-ли Малыта Скуратовъ превосходилъ его безобразіемъ. Злая иронія судьбы! У Флямма была и жена кривая. Онъ жилъ въ собственномъ домишкѣ, который выглядѣлъ кривобокимъ. Затѣмъ у сего полисмена были котъ, коза и корова и тоже кривыя.

Полицейскій надзиратель И. И. Г..... въ. Юркій, низенькаго роста, курносый. Можно было видѣть его ежедневно бѣгушимъ къ исправнику съ утреннимъ рапортомъ. Онъ напередѣ, бутафель сзади. Дорогой часто надзиратель ради форса оборачивался къ нижнему чину, остаивавливался и дѣлалъ ему громко своимъ гнусавымъ голосомъ разныя внушенія, чтобы слышали обыватели. Однажды на ярмаркѣ онъ подѣвліаніемъ Бахуса кричалъ во всеуслышаніе: „Я здѣсь и мировой судья, и судебный слѣдователь, и комендантъ ярмарки, и полицейскій надзиратель“. Но не долго наслужилъ. Въ пьяномъ видѣ онъ нагрубилъ исправнику и его уволили.

Полицейскій надзиратель Воронцовъ, громаднаго роста, здоровый дѣтина, рябоватый, съ сильнымъ голосомъ. Выписали его въ Петровскъ для искорененія хулиганства и кражъ. Ну и дѣйствовалъ же этотъ надзиратель!.. Пользуясь особыми полномочіями, онъ рыскалъ по всему городу одинъ, имѣя въ карманѣ лишь нагайку. Много онъ натворилъ дѣлъ. Ему доставляло удовольствіе чесать руки о бока разныхъ пройдохъ и жуликовъ. Когда ему удалось искоренить воровство, онъ принялся наводить порядокъ на базарѣ. Если жаловались ему на обмѣръ и обвѣсъ со стороны торговцевъ, то онъ тамъ же на базарѣ всенародно чинилъ судъ и расправу. Торговцевъ онъ лично билъ по щекамъ, волочилъ по базару за волосы и т. д.

Банщикъ Корень. Это былъ мужчина лѣтъ подѣ сорокъ, ничего особеннаго своею наружностью не представлявшій, — добродушный человекъ. Замѣчательное въ немъ было то, что по какому-то предчувствію что-ли, онъ всегда былъ на чеку при пожарныхъ бѣдствіяхъ. Случались-ли онѣ днемъ, случались-ли ночью, Корень всякій разъ однимъ изъ первыхъ являлся на пожаръ, еще до пріѣзда пожарныхъ и дѣйствовалъ самоотверженнѣйшимъ образомъ, сидя на крышѣ зданія, которому наиболѣе угрожалъ огонь. Если Корень былъ на пожарѣ, то Петровскіе обыватели съ надеждой на скорое прекращеніе огня взирали на пожарище и безусловно подчинялись всеѣмъ его распоряженіямъ, даже охотнѣе, чѣмъ распоряженіямъ представителя полицейской власти. Настоящая фамилія этого гражданина „Корневъ“.

Сапожникъ Зорькинъ. Это былъ несчастный человекъ. У него былъ маленькій собственный домишко на крутомъ берегу Медвѣдицы, который такъ былъ ветхъ, что казалось того и гляди упадетъ съ кручи въ рѣку. Крыша на домишкѣ имѣла только нѣсколько досокъ, которыя нисколько не защищали отъ дождя и непогоды. Но домишко этотъ былъ полонъ народу, все ребятишками этого сапожника. Самъ онъ постоянно пьянствовалъ. Гдѣ онъ добывалъ денегъ на пьянство, неизвѣстно. Часто Зорькинъ бродя по Соборной площади, что нибудь дико мурлыкалъ про себя или же громко разговаривалъ самъ съ собою. Часто онъ становился на колѣна противъ Собора и молился, тыкаясь носомъ прямо въ крыль и громко восклицая: „Господи, не ругайся по матерну“... Что этимъ онъ хотѣлъ сказать, не знаю.

Външеный человекъ. Одного изъ петровскихъ обывателей укусила бѣшеная собака. Черезъ нѣкоторое время укушенный сталъ чувствовать приступы волобоязни. Иногда онъ предупреждать своихъ домашнихъ о такихъ приступахъ, а иногда не успѣвалъ этого сдѣлать, вслѣдствіе неожиданности проявленія этой ужасной болѣзни, противъ которой тогда не знали средствъ. Въ первомъ случаѣ больного приковывали на цѣпь къ стѣнѣ и онъ рвался и метался, съ дикимъ крикомъ „не подходите ко мнѣ, — укушу!“ или: „Тощно мнѣ, милые, убейте“.

те меня!" Во второмъ случаѣ больной убѣгалъ изъ дому въ поле, въ лѣсъ и пребывалъ тамъ пока не проходилъ у него приступъ бѣшенства. Умеръ онъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Разныя воспоминанія о г. Петровскѣ.

Въ концѣ 60-хъ или началѣ 70-хъ годовъ, какъ то зимою, въ Петровскѣ видимо было сѣверное сіяніе. На полуночной сторонѣ неба вышли какъ бы огненные столбы, вращающіеся на одномъ мѣстѣ. Лично я такъ былъ напуганъ этимъ въ связи съ болтовней старыхъ бабъ, предвѣщавшихъ и войну и морь и еще что то страшное, что долго боялся выходить ночью на улицу. Тогда мы жили въ церковномъ домѣ. Въ нашемъ помѣщеніи передъ большими праздниками всегда было много ночующаго народа—прихожанъ изъ деревень; большею частью старыхъ бабъ. Особенно было людно во время великаго поста. Какихъ только разговоровъ не приходилось мнѣ слышать? Приведу здѣсь нѣкоторые.

Разъ коснулось дѣло о падающихъ звѣздахъ. Деревенскій людъ вообще паденіе звѣздъ связываетъ со смертію человѣка: „вонъ еще за душенькой ангелъ полетѣлъ... Видишь звѣздочка упала?“ Но не всегда кажется, что звѣзды падаютъ внизъ, иногда бываетъ видно, что звѣзда летитъ горизонтально и лишь чуть—чуть опускаясь, какъ бы таетъ. На этотъ счетъ у бабъ другое объясненіе. Они увѣряли, что это летитъ діаволъ въ образѣ огненнаго змія къ человѣку, безутѣшно тоскующему по комъ нибудь изъ своихъ близкихъ родныхъ, недавно умершихъ. Всегда бывало эти убѣжденія сопровождались, при разговорахъ, указаніями на тѣхъ лицъ, къ кому прилеталъ змій. Разсказчики говорили, что къ тоскующему (вдовѣ или вдовцу чаще всего) вдругъ являлся дорогой любимый человѣкъ, ласкался, разговаривалъ, приносилъ съ собою разныя лакомства и деньги. При пѣніи пѣтуховъ онъ пропадалъ, а отъ лакомствъ и денегъ къ утру оставался лишь соръ.

Бабы наводили на меня ужасъ разсказами про оборотней; это колдуны и колдуньи, превращающіеся ночью въ свиней и громадныхъ псовъ съ огненными глазами. Въ одной деревнѣ каждую ночь бѣгала по улицѣ свинья съ какимъ то

общимъ хрюканьемъ. Жители стали подозрѣвать въ этой свиньѣ свою знахарку. Чтобы убѣдиться въ этомъ, одинъ изъ отчаянныхъ деревенскихъ парней, подкарауливъ оборотня, хватилъ его по ногамъ топоромъ. На утро знахарка, которую нарочно пошли провѣдать, оказалась въ постѣли. У ней была сломана нога.

Какъ то за ѣдою варенаго картофеля, бабы рассказывали. Недавно-де наши святители отчитали и очистили молитвами эту снѣдь. А раньше картошка была поганая, ибо изъ нея вылуплялись щенята.

Онѣ же увѣряли, что русалкамъ самый водъ въ рѣкѣ Медвѣдицѣ у большого Казанскаго моста въ Петровскѣ. Въ лунныя ночи русалокъ всегда можно видѣть сидящими на ледорѣзахъ, защищающихъ тотъ мостъ въ весенній ледоходъ и расчесывающими свои зеленые волосы золотыми гребнями. Подились еще русалки въ омутъ противъ торговой бани на правомъ берегу Медвѣдицы выше названнаго моста съ полперсты. Однажды купался тамъ мужикъ и едва-едва не утонулъ. Послѣ онъ говорилъ, что у омута берега крутые, а дна у него нѣтъ, въ кручѣ устроены норы, обложенныя кирпичомъ, подобно русскимъ печамъ. Въ этихъ норахъ жили русалки. Онъ видѣлъ ихъ когда тонулъ въ водѣ.

Въ большіе праздники какъ-то: Пасху, Рождество, Крещеніе и др., въ соборную церковь хаживали и становились на лѣвомъ клиросѣ, чтобы попѣть: портной Шклопцевъ и учитель начального училища Иванъ Семеновичъ Семеновъ. Оба они страшно козлогласили. Пѣніе этихъ господъ походило на крикъ коростелей, или попросту—„дергуновъ“. Горе, бывало съ такими пѣвцами. Одно лишь искупало ихъ—что они это дѣлали изъ великаго религіознаго чувства.

Въ колокольнѣ соборной церкви лѣстницы, ведущія наверхъ, къ колоколамъ, вились винтомъ вокругъ длиннѣйшаго футляра изъ досокъ—отъ колоколовъ и почти до свода паперти. Этотъ футляръ предназначался для часовыхъ гирь. Но часы—затѣя одного изъ церковныхъ старостъ—Лысковцева—устроены не были за смертію его; футляръ же остался пустымъ. Въ него вело отверстіе, сдѣланное въ самомъ низу, но настолько узкое, что могло пропустить съ тру-

домъ взрослога челоѣка. Вотъ и обратили на этотъ футляръ свое вниманіе галки. Началась работа загаченія футляра прутьями, хлопьями и всѣмъ тѣмъ, что служить имъ матеріаломъ для устройства гнѣздъ. Цѣлые годы продолжалась галочья работа и онѣ уже загачили футляръ сажени на 1½. Тутъ кто-то догадался забить это отверстіе и работа пернатыхъ прекратилась.

Въ началѣ 1870-хъ годовъ въ Петровскѣ керосиновыя лампы были еще большою рѣдкостью. Ночью горѣли у всѣхъ или сальныя свѣчи, или лучины на подставкахъ. Около подставки ставился тазъ съ водой, въ который падали угли.

Въ Петровскѣ въ числѣ мѣщанъ числится довольно много цыганъ, поселенныхъ здѣсь правительствомъ для искорененія въ нихъ бродяжества. Осѣдность плохо прививается цыганамъ. По зимамъ цыгане еще живутъ въ своихъ домишкахъ и кое-чѣмъ занимаются: кто кузнецъ, кто коновальтъ, кто торговецъ или мѣняла лошадей, а чуть весна—они почти поголовно снаряжаютъ свои кибитки и—въ путь по ярмаркамъ. Въ походѣ мужчины занимаются мѣною лошадей или коновальствомъ, а женщины—ворожкой и леченіемъ.

Въ рѣкѣ Медвѣдицѣ, протекающей городомъ, въ мое время водился звѣрокъ *выухоль*. Течетъ рѣка едва замѣтно; причиной этому частыя мельницы съ неизбежными запрудами, нерѣдко гигантскими, какъ напримѣръ, у Сатовой мельницы выше города. Рѣка обильна рыбою, особенно въ глубокихъ и тихихъ мѣстахъ. Леги вылавливались вѣсомъ до 15 фунтовъ, а щуки—просто даже чудовищныя. Я видѣлъ однажды щуку такой величины: на плечахъ у рослаго мужика положена была щучья голова, хвостъ же ея волочился по землѣ четверти на двѣ.

Рукописныя собранія въ Саратовѣ.

(Посвящается Е. И. Аркадьеву).

Когда въ 1829 г. Археографическая экспедиція начала свой осмотръ русскихъ архивовъ и библиотекъ, имѣвшій громадное значеніе для разработки русской исторіи, нѣсколько губерній, въ томъ числѣ и Саратовская, къ сожалѣнію, не были ею изслѣдованы. Между тѣмъ, въ Саратовской губерніи, безъ сомнѣнія, нашлась-бы масса документовъ, которые, быть можетъ, пролили бы свой свѣтъ на многія событія въ Россіи, особенно событія временъ Елизаветы, Петра III и др.

Достаточно вспомнить, что въ Саратовской губерніи находится имѣнія такихъ фамилій, какъ Бекетовы¹⁾, Куракины²⁾ и др.

Изъ Саратовскихъ архивовъ мѣстной архивной комиссіей разобраны: архивъ Аткарской городской думы, бывшей Царицынской комендантской канцеляріи, бывшаго Царицынскаго нижняго земскаго суда, бывшаго Вольскаго духовнаго правленія, Вольской городской думы, Вольскаго нижняго земскаго суда, Петровскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, канцеляріи Саратовскаго губернатора, Саратовскаго губернскаго правленія, собранія С. А. Панчулидзева, Стараго Собора, А. М. Фадѣева (въ архивѣ комиссіи). Вольской городской полиціи, уѣзднаго казначейства въ г. Петровскѣ, Саратовской казенной палаты, А. Д. Нессельроде, Саратовскій историческій архивъ, архивъ Саратовской консисторіи и др.³⁾

Кромѣ того, извѣстны: старый Царицынскій архивъ, Саратовскій межевой архивъ, архивы: А. А. Шахматова, А. Н. Минуха, А. И. Сапожникова, Братства Св. Креста и Саратовскаго градекаго правленія.⁴⁾

¹⁾ Фаворитъ Имп. Елизаветы. См. Записки Екатерины II, Историко-географическое описаніе Саратов. губ. А. Минха.

²⁾ Одна изъ Куракиныхъ — фаворитка Петра III. См. „О поврежденіи правды въ Россіи“ кн. М. Щербатова. London. 1858, стр. 77.

³⁾ Описи перечисленныхъ архивовъ напечатаны въ „Трудахъ“ комиссіи, которыя вышло до настоящаго времени 24 выпуска.

⁴⁾ Литературу о Саратовскихъ архивахъ, впрочемъ, не полную, см. у Иконникова „Опытъ русской исторіографіи“, Киевъ. 1891—92 г. и въ брошюрѣ С. Д. Соколовой „Матеріалы для Саратовской библиографіи“. Саратовъ 1905 и приложение къ „Восточной недѣлѣ“ 1906, 6—7.